

Память о подвигах макаоцев против китайских пиратов и насильственное вторжение англичан в город Макао

Хосе Игнасио де Андраде

**Memoria dos feitos macaenses contra os
piratas da China**

José Ignacio de Andrade

The Project Gutenberg eBook of Memoria dos feitos macaenses contra os piratas da China.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Memoria dos feitos macaenses contra os piratas da China

Автор: Жозе Игнасио де Андраде

Дата выхода: 17 мая 2011 [eBook #36163]

Последнее обновление: 7 января 2021 г.

Язык: Португальский

Аккредитация: Подготовлено Ритой Фаринья, Альберто Мануэлем Брандао Симоэнсом и командой онлайн-распределенной корректуры по адресу <https://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Print проекта).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK MEMORIA DOS FEITOS MACAENSES CONTRA OS PIRATAS DA CHINA ***

Примечание редактора: В связи с большим количеством опечаток в этом тексте было принято несколько решений относительно окончательной версии. В случае сомнений орфография сохранена в соответствии с оригиналом. Список исправленных ошибок приведен в конце книги.

Рита Фаринья (май 2011 г.)

МЕМОРИАЛ

О ПОДВИГЕ МАКАНЦЕВ ПРОТИВ КИТАЙСКИХ ПИРАТОВ: И
НАСИЛЬСТВЕННОМ ВСТУПЛЕНИИ АНГЛИЧАН В ГОРОД МАКАО:

АКТОР ХОСЕ ИГНАСИО АНДРАДЕ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

LISBON: NA TYPOGRAFIA LISBONENSE 1835.

Largo de S. Roque N. 12

A C. Dias.

Rien ne peut arrêtêr dans leurs projets nouveaux
Эти пылкие португальцы, которые летают по воде,

O' com bien de héros guiderent leur audace!
Как бессмертные факты указывают на их след!

Esmenarde, C. V. pg. 26.

PROEM.

Как рискованно писать о славных деяниях людей, которые еще живы! Не только их враги, но и те, кто уязвлен гордыней или завистью, выступают против тех же свидетельств. Есть и те, кто считает, что благоразумнее было бы умолчать о великих деяниях героев при их жизни. Но почему людям, получившим эту премию, рискуя жизнью и состоянием, должно быть отказано в ней?^[1] Потому что они боятся насмешек со стороны зоозащитников? Это слабость, которой у меня нет. Передавая истину тем, кто придет, и говоря о том, что сделали португальцы, достойные этого имени, если одни будут упрекать меня, другие восхвалят мое рвение.

ВВЕДЕНИЕ.

Из всех зрелищ, которые подарила миру человеческая промышленность, ни одно не является более чудесным, чем мореплавание. Слабые и мертвые сыны земли осмелились переносить себя над неустойчивыми и опасными стихиями, возводить здания над водой, властвовать над ветрами и летать на край земли под неведомыми небесами.

Но какова судьба человека? Наделенный сердцем столь же порочным, сколь велик его дух, преступление соседствует с гением. Люди злоупотребляют всеми возвышенными изобретениями. Они извлекали яды из растений: золото - валюта, которая портит все. Искусства служат для того, чтобы умножать средства для собственного уничтожения. Мореплавание - это, прежде всего, источник смерти; море стало полем резни, а волны обгажены кровью войны.

Две части земного шара, восток и запад, суша и море, в равной степени являются театрами человеческих несчастий и преступлений: с той разницей, что если мы расширим наши взгляды и пройдем по континенту, то обнаружим руины и трофеи железа и огня; поля и неводеланные пустыни; но море, будучи могилой значительной части человечества, не дает никаких следов столь значительных разрушений. Каждый день мореплаватель проходит над

волнами, поглотившими тысячи людей.

Кто не хотел бы вернуться в те счастливые времена невежества и бережливости, когда наши деды, менее великие, но менее преступные, без промышленности, но без угрызений совести, прожили бедную и добродетельную жизнь и умерли на полях, где они родились?

Ценой португальских жизней наши предки создали в Китае свое учреждение: нашим современникам снова пришлось проливать кровь на волнах, чтобы подчинить Кам-пау-сай законам империи; и использовать превосходное благоразумие в дополнение к доблести, чтобы избавить Макао от британского нашествия.==Нет ничего более полезного, чем история, для приобретения благоразумия (говорит Херонимо Осорио), ни более сильного, чем она, для пробуждения добродетелей, ни более полезного для заживления ран республики, ни более приятного для наслаждения жизнью. Но согласно тому, что люди всегда делали, они никогда не верят, что сделали что-то сверх своей изобретательности и имущества; и нет никакого способа признать то, что превосходит условия тривиальных усилий и использованной промышленности.

Китай, долгое время игнорируемый нами, затем полностью изуродованный, а сегодня известный лучше, чем некоторые провинции Европы, является старейшей, самой обширной и процветающей империей на земном шаре. Последняя перепись населения, проведенная в прошлом веке, оценила его жителей в двести миллионов душ. Ее годовой доход составляет пятьсот миллионов крузадо. Она содержит восемьсот тысяч солдат и триста тысяч лошадей, которые используются для вооружения и государственной почты.

Императоры являются понтификами империи с незапамятных времен, поэтому гражданские и религиозные власти никогда не вступают в конфликт. Они поклоняются единому Богу и ежегодно в торжественный день приносят ему в жертву первые плоды с поля, вспаханного собственными руками. Образцовое поощрение сельского хозяйства - первой основы национальной независимости и процветания.

По принципу всеобщей терпимости, принятому на Востоке, бонзы всех религий допускаются и получают возможность распространять свои бредни: но если они приходят к насилию над народом, их немедленно вешают. Вот как они терпят и подавляют их. Император Чам-хи выгравировал на фронтисписе своей часовни: == У Чанг-ти нет начала и конца: он создал и управляет всем: он в высшей степени добр и справедлив.

Китайцы вообще отличаются утонченностью и добродетелью. У императора только одна законная жена, но по законам империи он может иметь большое количество любовниц. Их судьба печальна, ведь они живут в заточении. За честь угодить императору они платят лишением общества, которым они обязаны своей красоте, а не рождению, которое китайцы презирают, если оно не сопровождается добродетелью.

Грамотные воротнички и мандарины пользуются в стране императора большим уважением, чем военные. Среди большого числа первых есть шесть, которые сопровождают двор. Самый старый и заслуженный полковник назначает мандаринов на все высшие должности и наказывает их, если они не исполняют своего долга; второй заботится о культах и организует придворные церемонии; третий - министр юстиции; четвертый управляет казной; пятый председательствует в военном министерстве и определяет все, что нужно для его поддержания; шестой заведует общественными работами.

Есть и другие, которые обсуждают с императором государственные дела. Есть также государственные цензоры по должности. В каждой провинции есть сунто (императорский делегат) с тремя грамотными мандаринами при нем. Первый занимается гражданскими и уголовными делами, второй собирает налоги, третий следит за общественной безопасностью. Чтобы стать мандарином, нужно пройти три ступени, как у нас - бакалавр, лицензиат и доктор: из них берут за воротник.

Правительство не так деспотично, как кажется. Мандарины выступают против его указов, когда они противоречат законам государства. Когда некий император захотел злоупотребить своей властью, один мандарин написал ему следующее: "Господин, я знаю, что рискую оскорбить ваше самолюбие, но я должен предпочесть смерть потере чести: я не могу не предупредить вас, что дурной пример, который вы подали императору, ввергнет всех нас в пропасть". Император был достаточно великодушен, чтобы не усугублять свое положение, но он не был достаточно великодушен, чтобы изменить свое поведение. Все мандарины ждали удобного случая, чтобы выразить ему свои чувства.

У императора не было законных детей, а по законам государства наследовать императору должны были бастарды, причем предпочтение всегда отдавалось первенцу. Император был очень привязан к одному из них: он хотел, чтобы они признали его, в ущерб старшему. Мандарины рассказали императору, какую несправедливость он пытается совершить: он лишает некоторых из них работы. Они опубликовали уведомление, адресованное всем мандаринам, прикрепленным ко двору, чтобы те собрались в назначенный день в обычном месте. На совете они решили, что, поскольку император презирает государственные законы, им следует отказаться от работы и уйти в свои дома, чтобы жить как частные лица.

Император занялся своими делами: он приказал мандаринам вернуться к своим обязанностям, что они поняли. Таким образом, все они подчинились закону. В этом случае мандарины заслужили почет за свою твердость, а император - за благоразумие.

Исторический суд, чтобы все было по правилам, глух к мольбам и угрозам императоров. В зале суда есть сейф, куда каждый историк бросает свои мемуары, не сообщая их никому. В конце каждого царствования сейф вскрывают, и найденные там записи составляют летопись империи: следующего случая достаточно, чтобы понять дух этого суда:

Тай-тэ-сон, император династии Тан, попросил председателя суда показать ему мемуары, которые должны были составить историю его царствования. Господин, вы должны знать, что мы даем точный отчет о пороках и добродетелях государей и что мы не будем более свободными, если согласимся на то, что вы требуете. Император ответил: "Вы, столь обязанный мне, намерены донести до потомства мои недостатки?" С великой болью я запишу их, но долг моей работы таков, что я обязан донести до потомства то, что вы сегодня выставили на мой счет.

Во всех странах законы карают за преступления; в Китае они больше поощряют добродетель. Как только в **какой-нибудь** провинции становится известно о великодушном поступке, о крайней добродетели, полицейский мандарин обязан доложить об этом императору: он немедленно посылает этому субъекту сигнал, который выделяет его на пути добродетели.

Несомненно то, что пороки и добродетели народов рождаются из их законодательства: это

знание , возможно, породило этот хороший закон китайцев. Чтобы оплодотворить зародыш добродетели, мандарины участвуют в славе или позоре добродетельных или несправедливых действий, совершенных в их правительстве.

Мораль, повиновение законам и культ верховного существа составляют религию государства. Император - не только понтифик, но и первый оратор империи. Его указы - это почти всегда уроки нравственности. Они просуществовали более четырех тысяч лет с одной и той же формой правления, одними и теми же законами и обычаями, всегда были учтивы и любили писать.

При всем том народ идолопоклонничает, грамотные люди - деисты, не верящие ни в откровение, ни в вечную жизнь. Преданные изучению законов, они презирают догмы и обряды своих бонз. На самом деле они невежественны, суеверны, доверчивы и жадны до богатства. Большинство китайцев соблюдают следующие изречения Конфуция.

Помни, что ты человек, твоя [природа](#) слаба, ты можешь поддаться. Устраните от себя препятствия, стоящие на пути к добродетели.

Хороший человек заботится о своих добродетелях, плохой - о своем богатстве. Хороший человек заботится об интересах своей страны, плохой - только о своих собственных.

Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой: это единственный закон, который тебе нужен.

Молчание необходимо мудрецу; он всегда презирает бесполезность красноречия; он объясняет себя своими поступками. Небо говорит, но как оно говорит нам о том, что оно - суверенный принцип всего сущего? Его движение - это его язык: оно создало и дало толчок природе, а природа, как его дочь, повинуется ему и производит.

Когда речь идет о здоровье страны, опасность для жизни презирается.

Выгода правителя измеряется общественным счастьем.

Этих нескольких правил достаточно, чтобы составить полное представление о китайской морали.

После смерти Афонсу де [Альбукерке](#) в 1515 году его сменил на посту правителя Индии Лопу Суарес де Альбергария: в начале 1517 года он отправил эскадру из девяти судов в 1515 году его сменил на посту правителя Индии Лопу Суарес де Альбергария: в начале 1517 года он отправил эскадру из девяти судов под командованием Фернана Переса де Андраде, чтобы доставить посла Томе Пиреша к императору китайцев , как приказал король Д. Манозл. Манозл приказал ему это сделать.

Из-за сильного шторма флот высадился в Малакке и только в июне того же года смог покинуть этот порт, чтобы спустить португальские кили на воду в Китайском море. Наши люди, благодаря дружбе, завязанной в Малакке с китайцами, уже знали, куда направляется Кантон: они отправились на соседние с этим городом острова, где отправили ко двору нашего посла.

Когда наш Андраде высадился там, он обнаружил китайский флот, предназначенный для борьбы с пиратами, которые заполнили эти моря. Поскольку Фернан Перес де Андраде был благосклонен и бесстрашен, он уничтожил пиратов и, как магнит, притянул к себе учеников Конфуция. Он покинул империю, оставив после себя сотни труб славы, возвещающих о его великодушии.

*Из моего могучего лука
Сегодня знаменитый Андраде
Будет целью: его триумфальное имя
В гавани вечности он появится^[3]*

Как только он покинул Кантон, к нему прибыл Симау де Андраде с другими людьми: они действовали так, что потеряли в кредит все, что приобрел Фернан Перес. Они применили такую жестокость, что китайцы решили обращаться с ними как с пиратами. Они снарядили большой флот и окружили португальцев со всех сторон. Если бы не шторм, открывший им путь к бегству, все они были бы пленниками.

После такого позора португальского оружия и чести Афонсу Мартинс де Меллу прибыл туда, не зная о случившемся. Как только мандарины обнаружили его, они собрали свой флот, чтобы напасть на него. Мартинс де Мелло сказал им, что идет с миром, а не с войной, но они ответили ему лишь огнем. Битва состоялась, и наши сдались. Как только Мартинс де Мелло увидел, что все ресурсы потеряны, он прорезал вражеский строй, как молния, и завоевал широкое море, оставив китайцев ошеломленными такой дерзостью. Своей доблестью и благоразумием португальцы должны были заставить китайцев забыть память о безнравственном Симау, чтобы снова могли принимать их в своих портах.

После восстановления добрососедских отношений между двумя народами португальцы получили в награду за услуги, оказанные империи, Южный перешеек на острове Макао для строительства домов на определенных условиях, но превратили его в город, который называли в честь острова.

В 1557 году император Китая предоставил португальцам в аренду этот перешеек в качестве награды за уничтожение эскадры пирата Чанг-Силау.

В 1584 году маканцы пообещали повиновение Филиппу II, но португальский флаг всегда развевался в крепостях Макао.

В 1586 году Макао получил титул города имени Бога в Китае, а также все свободы и преимущественное положение, которыми обладал город Эвора, статус которого был подтвержден в 1709 году.

В 1622 году, когда в Макао проживало всего 80 португальцев и несколько кафров, на него напали 800 голландцев: они оставили 500 убитых и 100 пленных, остальные бежали, оставив 8 флагов, оружие и багаж в нашем владении.

Прежде чем высадиться, они попросили два английских корабля в Баие помочь им; те не стали медлить, но потребовали вырубку за все награбленное. Голландцы отказались: им показалось, что амбиции англичан слишком чрезмерны.

С 1557 по 1625 год Макао управлялся капитанами государственных кораблей, которые каждый год ходили в Японию и заходили в этот город. При этих правителях он процветал.

В 1626 году Франсиско Маскараньяс отправился из Гоа в Макао в качестве губернатора с титулом генерал-капитана. Во время его правления начались разногласия с сенатом и распущенность, которую практиковали губернаторы. Он был великим убийцей, великим грабителем и жестоким насильником жен и дочерей [горожан](#). Он довел маканцев до такого отчаяния, что они убили его, чтобы избавиться от столь ужасного чудовища.

В 1641 году пришло известие о счастливом провозглашении короля Жуана IV: маканцы немедленно разорвали оковы Филиппе и отправили большое пожертвование в столицу законного короля.

В 1709 году они пострадали, согласно Верресу; Диогу де Пинью Тейшейра даже устроил взрыв в Сенате, где был ранен и убит за то, что не согласился с его высокомерием.

В 1726 году в Макао прибыл посол Александр Метелло де Соуза Менезеш, , направленный королем Жуаном V к императору Китая. Жители этого города оказали большую помощь в поддержании национального этикета в этом посольстве.

В 1747 году Макао управлял Антонио Жозе Теллес: своими жестокостями он отпугивал палачей Китайской империи. Он довел это государство до гибели.

Этот город, знаменитый богатством своего народа и прославленный славой наших побед, расположен на широте $22\frac{1}{4}$ градуса к северу от экватора и в 122° к востоку от Лиссабона. Его жители мало чем отличаются от наших, и, возможно, поэтому отец Антонио Виейра сказал, что меч португальцев достиг того, чего не достигло перо святого Августина. Длина города составляет немногим более лиги. С северной стороны его защищает толстая стена с крепостями, а с южной - три крепости. Крепость Сан-Франциско на восточной стороне Прайя-Гранде, крепость Бом-Порто на западном конце и крепость Сант-Иаго, которая защищает вход в бар: между первыми двумя находится крепость Сан-Педро. В центре над всем городом возвышается крепость Монте. Кроме этих крепостей, есть еще одна на холме Сру-да-Гия, за пределами городских стен. Дома построены хорошо, но улицы неровные. Гавань хороша: в нее могут заходить восьмисоттонные корабли в балласте. У берегов также стоят 74-тонные корабли. Население составляет 20 000 человек, большинство из них - китайцы. Правительство - Сенат, состоящий из двух обычных судей, трех советников, прокурора и секретаря. Военный губернатор или генерал-капитан и омбудсмен вызываются в Сенат, когда речь идет о политических или финансовых делах. В этом случае генерал-капитан председательствует в Сенате и имеет право решающего голоса. Советник месяца председательствует во всем, что касается муниципального управления.

Маканцы настолько ревностно относятся к своим свободам, что даже за столом заседаний правительства они лишили президента привилегии быть изолированным в дальнем конце стола. Поскольку членов правительства девять, они разместили стол внутри трибуны так, что по три человека сидят с каждой стороны; передние могут свободно входить и выходить.

Один конец посоха правосудия лежит на столе, а другой прислонен к стене над головой министра: один из них (Лазаро да Силва Феррейра), пораженный этим, дотронулся до него, чтобы он упал, и приказал убрать его, сказав, что он повредил голову. Сенаторы приделали к ее концу крюк, а к стене - кольцо, чтобы удерживать знак правосудия на месте. На днях, когда министр вошел в зал, он дотронулся до него, чтобы выбросить: он был удивлен, увидев, что он надежно закреплен. Советник месяца избавил его от страданий, сказав: "Мы так уважаем наших вождей, что ^{не} можем обойтись без этого обычая; и мы так высоко ценим ваше превосходительство, что, чтобы не обидеть вас, приказали держать жезл правосудия".

Здесь есть епископ и батальон гоанских туземцев под командованием маканских офицеров; гарнизонирует крепости и совершает обходы города. Его доход приносят таможенные сборы.

Мои поездки в Китай дали мне возможность встретиться с потомками достопочтенных португальцев, которые во время нашего плена под тяжелыми путами филиппинцев проявили постоянство и доблесть, чтобы сохранить свой национальный статус в этом уголке мира. Хотя они и завоевали дружбу китайцев, у них было только оружие, чтобы защищаться от европейских народов, которые нападали на них там. История мало что говорит о великих маканских деяниях того времени.^[4] Лишь некоторые из этих великих деяний красуются сегодня в соборе и сенате Макао. Все остальное погибло вместе с героями, которые были так достойны вечной памяти.

В 1808 году на жителей Макао было совершено такое нападение, что если бы они не унаследовали доблесть своих величайших, то наверняка бы погибли ^[Примечание 1]. Я был свидетелем некоторых очень славных деяний. Португальцы в это время показали себя великими в оружии и в политике; в оружии - за доблесть, с которой они сразились с великой эскадрой Кампау-сая, в политике - за добро, которое они сделали китайцам и англичанам. Они спасли Макао от купания в крови; им верили первые и они были полезны вторым. Неужели я оставляю такие благородные поступки в забвении, как наши величайшие? Нет: я постараюсь передать их потомкам. Если они не пригодятся нынешним, то обязательно пригодятся грядущим. Нет ничего более способного укрепить наши души, чем подвиги наших дедов и прадедов. Я считаю, что наш долг - рассказать о них своим внукам.

Макао - драгоценный памятник португальской славы. Фернан Переш де Андраде первым увековечил португальцев в этой части света. Он будет признан китайцами, которых мы по-прежнему высоко ценим в этой империи.

Поскольку этот мемуар содержит два разных предмета, я подумал, что было бы неплохо представить их по отдельности, хотя один начинается до и заканчивается после другого. Макаонцы получили в свои руки пиратов в 1805 году: английская эскадра высадилась в Макао 18 сентября 1808 года и покинула его 10 декабря того же года. Договор между китайским и маканским правительствами о полном разгроме флота Кам-пау-сая был подписан 23 ноября 1809 года, а завершилась эта важная сделка в апреле 1810 года. Чтобы читатель мог воочию убедиться в огромных трудностях, которые были преодолены в Макао, я разделю этот мемуар на две части. В первой я расскажу об истреблении пиратов. В этой части есть вещи, которые, если бы они практиковались в более ужасные времена, считались бы чудесами, будучи лишь усилиями храбрых душ, которые направили свое оружие с пером и мечом, чтобы творить такие чудеса. Во втором разделе я расскажу о вторжении англичан в

Макао, их поведении и нашем, а также о китайской политике и конечном результате.

В Афинах знаменитые ораторы прославляли героев Саламины, а их слушателями были Сократ и Перикл. Я не обладаю такими же талантами, и у меня есть не менее грозные судьи. Но в вопросах такого рода красноречие состоит в том, чтобы быть искренним.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Именно доблести португальцев обязана Китайская империя избавлением от пиратов, которые дважды пытались над ней властвовать. Первый раз это было дело рук лузитанцев XVI века, второй - их современных потомков, в то время, когда их братья по отечеству уничтожали орлов угнетателя Европы. После уничтожения пиратов в XVI веке они попытались создать новую партию; мало-помалу они увеличивались в числе и силе, так что к 1805 году они были хозяевами большого флота, хорошо оснащенного артиллерией и с экипажем почти в сорок тысяч человек. Когда вождь пиратов умер, осталась его жена, не только наследница должности, но и его дерзости в пиратстве. Как только она приняла командование такой огромной силой, она разделила ее на две эскадры и передала командование ими двум родственникам мужа, которые считали себя наиболее подчиненными его приказам. Первым и самым могущественным был знаменитый *Апоча*, который позже называли *Кам-пау-сай*, и где всегда жила вдова. *Апау-тай* командовал вторым, состоявшим из 130 судов и имевшим черный флаг.

Кам-пау-сай, сильный, хитрый и предприимчивый человек, завоевав расположение своего народа, умел заставить его осуществить любое задуманное им начинание. В самом деле, он задумал столь грандиозный проект, что его вполне можно сравнить с проектом Афонсу де Альбукерке, когда тот вознамерился вывезти тело пророка из Мекки и изменить направление реки Нил, заставив ее впасть в Пурпурное море, чтобы уничтожить турок в Египте! Кам-пау-сай пытался короновать себя императором китайцев и отбросить татарскую династию к северу от великой стены, отделяющей ее от Китая. Он начал вести столь жестокую войну, что не только парализовал морскую торговлю на южных берегах империи, но и высадился на материке, сровняв с землей все места, через которые проходил. Поскольку город Кантон был самым богатым и торговым, он хотел помешать торговле с европейцами. С этой целью он разместил свои войска в устье реки Тигре и во всех тростниковых зарослях, из которых состоят соседние с Макао острова. Когда Кам-пау-сай преследовал своей мощью моря китайских островов, он не только преследовал своих китайских братьев, но и осмеливался оскорблять европейские корабли.

Когда правительство Макао увидело, какой опасности оно подвергается, окруженное огромной вражеской силой, в то время, когда все корабли на площади отсутствовали, оно послало бриг в Бенгалию, чтобы стоять на страже вдоль побережья, пока они не отступят: потому что пираты, зная, что в гавани нет кораблей, чтобы вступить с ними в бой, подходили почти на расстояние выстрела из артиллерии наших крепостей, чтобы помешать припасам, которые ежедневно поступали в город.

Счет за бриг был составлен так быстро, что с момента закладки киля на верфи до его спуска на воду прошло всего двадцать восемь дней! Когда бриг прибыл в Макао, пираты были настолько бесстрашны, что правительство посчитало недостаточным, чтобы столь малые силы изгнали их из города. Он купил корабль "Арриага", который назвал "Улисес", и приказал вооружить его, открыв на палубе батарею.

Как только эти два корабля начали бить пиратов, те не осмеливались к ним приближаться. При всем этом они все равно наносили ущерб торговле, потому что наши корабли не могли войти в маленькие каное, где они ее перехватывали. Императорская эскадра могла бы напасть на них там, но уважение, оказываемое Кам-пау-саю, не позволило им этого сделать. 1806 и часть 1807 года прошли без риска для пиратов вступить в бой с нашими. Они надеялись найти их разделенными и в таком месте, где они не могли бы помочь себе; однако они опустошали провинцию Кантон.

Ближе к середине 1807 года наш бриг оказался в выгодном положении для нападения на них. Он отправил на него дивизию под командованием одного из своих самых опытных капитанов. Командовал нашим бригом храбрый и бесстрашный *Перейра Баррето*. В то время он уже приобрел такой большой авторитет среди китайцев, что они называли его Тигром моря.^[5] Дерзкий *Баррето* не стоил того, чтобы вкладывать в него всю эскадру Кам-пау-сая, а тем более одну из его дивизий. Как только он сообразил, что находится в пределах досягаемости артиллерии, он повернул на нее и обрушил на нее такой огонь и такой урон, что все бежали, оставив капитанство в своих руках вместе с *бригом*. Когда форт *Баррето* увидел, что артиллерия противника имеет более крупный калибр, он решил взять на abordаж "Тао"^[6]. Вы можете представить себе, как большой скоростной катер берет на abordаж корабль. Именно так выглядел бриг, стоявший рядом с "Тао", и на нем была лишь пятая часть оборудования вражеского корабля. Однако Форт *Баррет* направил свое судно к корме "Тао". Пока гарпуны устанавливались на место, пираты бросили в нос брига огненный шар, который, несомненно, свалил бы его, если бы предусмотрительный *Баррето* не поспешил выбросить его за борт. В этот момент корабли соединились; *Баррето* первым поднял парус на Тао и, как только ему удалось ступить на вражеский тент, запел о победе:

Прыгая с копьем и мечом наперевес

Из четырехсот мавров, высыпавших наружу^[7]

У *Барретусавы* был меч-колун, и он так им владел, что из семидесяти человек команды брига те, кто смог подняться наверх, сказали, что когда они достигли вершины, то увидели тент, покрытый изувеченными людьми! Наш герой встретил столь яростное сопротивление, что все были убиты, но никто не был побежден или взят в плен. Те, кто пытался спастись от ударов нашего разъяренного Марса, бросались в море. Их вождь, видя, что он погиб, спустился в камеру, взял свою жену за волосы, отрубил ей голову орудием и похоронил себя в море вместе с ней.^[8]

Эта битва произошла недалеко от Макао; *Баррето* сразу же *отвел* бриг в гавань. Жители Макао и многие иностранцы немедленно отправились поздравить своего храброго капитана и посмотреть на вражеский корабль. Они были в ужасе от кровавой бойни, ведь пираты

сдавались только со смертью. Подобные подвиги не совершались веками; и даже нам казалось невозможным, что во времена Камоэнса Д. Луренсу де Алмейды хватило сил победить четыреста мавров в одной Мекке. Но и сегодня высшее понимание показывает, что одного португальца с его рукой достаточно, чтобы уничтожить более 300 китайцев в одном Тао.

Для того чтобы записать эту истину, требуется почти столько же, сколько для того, чтобы ее осознать, хотя она очевидна для пишущего; но она квалифицирована жителями города, в котором жили подданные нескольких наций. Наш Диниз уже воспел победы другого Баррето; будет справедливо, если такая божественная строфа послужит увековечиванию их обоих.

Давай вспашем, о Муза, великую память

Глиной, священным узором:

Пусть гневное время кусается,

Пусть будет ясна ее вечная история

Душа, что за славой необъятной

Беги, смотри в моих гимнах

Что не напрасна твоя воинственная рука.

После такого удивительного подвига в Макао воцарился мир. Пираты отступили на значительное расстояние, но постоянно устраивали беспорядки во всем, что могли преодолеть. Узнав об этой победе, императорская эскадра была побуждена покинуть Кантон и подойти к Макао, куда она больше не осмеливалась заходить из страха перед пиратами. Блестящий подвиг непобедимого *Баррето* привел к тому, что губительная чума исчезла с китайских островов: в результате правительство Макао приказало отозвать свои корабли.

Когда в Китае стало известно, что король Жуан VI покинул Португалию, чтобы править в Бразилии, маканцы не забыли передать привет лузитанскому королю в его антарктических владениях. Они взошли на корабль "Улисес", назначив почетного гражданина Антонио Жоакима де Оливейру Матоса отправиться приветствовать короля от имени сената, а командование кораблем передали решительному *Баррето*. Поскольку этот посланник должен был приветствовать вождя лузитанцев, они решили, что будет не лишним познакомить его с тем, кто так чтит португальское имя. Наш герой был принят в Бразилии почти так же, как дии и гамы, когда они возвращались из своих трудоемких путешествий, были приняты старыми португальскими королями. Король Жуан VI возвел его из первого лейтенанта в капитаны фрегата: он наградил маканцев: он дал им знаки отличия, которые высоко ценились, возможно, потому, что они забыли о высоких достоинствах своих вождей, которые презирали их за хорошие манеры.

Когда Кам-Пау-Сай покинул Макао, опасаясь португальцев, он не оставил своих начинаний. Он стал рассказывать всем своим знакомым о тираническом гнете, которому подвергалась империя из-за того, что они соглашались с назойливой варварской династией на троне. Он

показал им, как легко их свергнуть, восстановить китайское правление и сделать каждого из них правителем империи. Он настолько овладел мастерством пиратства и убеждения, что его люди перестали сомневаться в том, что он единственный, кто способен восстановить достоинство их страны.

Поэтому они уже были настроены на войну, когда до них дошла счастливая весть о том, что *морского тигра* в Макао больше нет. Они налетели, как стая голодных азорцев, пожирая все, что могли найти на соседних с Макао островах. Адмирал Чинес не ожидал такой неприятной встречи, поэтому с нетерпением пересек устье Тира. Как только его обнаружил Кам-пау-сай, он бросился туда. Императорская дивизия из 28 кораблей по 15-20 штук в каждом, которая не бежала, чтобы противостоять ему, была взята в плен. Обрадованный этой победой, он снова начал вкладывать деньги в европейские и маканские корабли. В это время некоторые американские корабли смогли скрыться под прикрытием наших крепостей.

Когда бриг *Ботельо*, капитана Манозеля Жозе Вианны, возвращался из Гоа, его заметили пираты; они бросились на него, но встретили такое упорное сопротивление со стороны этого трудолюбивого капитана, что, оставив только шесть человек из его команды, нанесли врагу огромный урон. После всего этого огонь утих из-за усталости; но когда Апаутан увидел, что на корабле нет флага, он приказал им приблизиться. Нетерпеливый Вианна, видя себя окруженным передвижными башнями и утыканным копьями, далеко не угас, а принял в свою душу дух Дуарте Пачеко; и, подобно нашим *Баррето*, сколько врагов вскочило на его корабль, столько же его меч бросил в бездну. Изумленные китайцы уже не считали его человеком, а чем-то превосходящим человеческий род. Он казался неуязвимым! Несмотря ни на что, он погиб в бою. Но как? Он устал убивать пиратов.

Сотня кораблей с башнями,

Из тысячи ртов Маворта бьет ключом;

Среди ужасающего рева

В огне, в дыму, в крови, окутанные смертью.

Заргучос, стрелы, что в ливень летят.^[10]

Так сражался Магнанимо Вианна. После его смерти пираты обрели такую дерзость, что имели наглость пройти через Макао с плененным кораблем и флагом. Сенсация, которую вызвало это печальное зрелище у жителей города, не поддается объяснению. Они поклялись не только вернуть свой корабль, но и наказать пиратов по заслугам. В то время в гавани находились такие суда, как бриг "*Сенадо*" и корабль "*Белисарио*". Бриг был не вооружен и не оснащен, как и "*Белисарио*".

Было девять часов утра, когда заметили корабль-ловушку; а перед наступлением ночи наши уже были в пределах досягаемости вражеской эскадры! Как удалось достичь столь многого за столь короткое время? Все дело в щедрости маканцев и поддержке неудержимого

Арриаги. Этот достойный министр, честь тоадос и крепкий столп национальной славы, не ограничился тем, что первым подал голос и предоставил средства для осуществления этой затеи. Взвесив важность города и опасность, которой он подвергался, он решил направить все свои силы на его защиту, не прощая ни расходов, ни усилий, ни опасностей. Своим оружием он подал пример самым знатным маканцам, которые все вместе трудились, чтобы подготовить корабли.

Этот человек среди маканцев был очень похож на душу стоиков, рассеянную по всей Вселенной. Он был повсюду. Чтобы восхвалить высокие качества этого выдающегося человека, потребовалось бы исключительное красноречие и наличие всех его **выдающихся** деяний: без этого они не могут проявиться так блестяще, как проявлялись на практике.

Поскольку в то время в Макао не было ни одного морского офицера, который считал бы себя мастером политики, хотя все остальные превосходили его в доблести, главнокомандующим был назначен капитан артиллерии Жозе Пинто Алкофорато де Азеведо э Соуза. На протяжении всей борьбы с пиратами этот непобедимый герой отстаивал португальское достоинство, чем очень напоминал первого лузитанского капитана, высадившегося в этой империи. ^[Note 2] Теотониу да Силва Брага командовал кораблем "Белисарио". В ночь после дня отплытия кораблей обрушился такой сильный тайфун, что считалось, что они ушли под воду.

На рассвете **они поднялись** на холмы, возвышающиеся над городом, желая увидеть своих чемпионов; они заметили бриг *Ботельо*, который, будучи взят в плен в Лантао, и с португальцами, оставшимися после битвы на борту, как только тайфун подул с востока, перерезал швартовы и сел на мель в Тайпе. Маканцы радовались этому успеху, а еще больше - виду брига и "Белисарио", которые благодаря мастерству своих офицеров спаслись от ярости тайфуна.

Кроме того, на борту находился вооруженный бриг ^[11] под командованием Антонио Жозе Гонсалвеса Кароксы: активного и бесстрашного молодого человека. Выполнять это поручение было непросто, ведь на этом судне перевозили продовольствие для наших людей, которое доставалось врагам в частых сражениях. Лорха состояла из четырех каменщиков, двенадцати человек и тридцати человек команды. Иногда он оказывался рядом с нашими кораблями во время нападения пиратов. Если случай позволял утихнуть ветру, то в таких случаях наш Карокса совершал необыкновенные чудеса.

Он хотел, чтобы Кам-пау-сай нашел его там, где наши не могли бы его защитить, чтобы он мог спокойно выплеснуть на него свою силу и свою ненависть. Он попросил кого-то назвать ему день, когда лорха пройдет через место, где Кампау-сай сможет исполнить свои желания. Наступил день, и новый *аквилонский лузитан* прибыл к перевалу, который вполне можно было бы назвать Кабалон. Он нашел его покрытым врагами: но, сочтя необходимым выполнить свою миссию, он попытался освободить дорогу. Хотя вся его тройка была китайской, у него была своя дисциплина: он считал, что этого достаточно.

Враги попытались окружить его, но бесстрашный Карокса взял в руки убуз и, поскольку это был вращающийся верх, бросил его во все стороны. Тех, кто подходил к нему близко, он уничтожал пулеметным огнем, а тех, кто был дальше, - пулями. Но вражеских кораблей было так много, что ему с трудом удавалось уничтожить все, что попадалось под руку. Несмотря на то что большая часть экипажа погибла, он не остыл в своем стремлении к победе. Он не хотел сдаваться или убегать, он хотел все больше и больше замедлять свой ход. Но когда

остальные члены тройки увидели, что пули прошли сквозь его платье, не причинив вреда телу, и что они собираются убить его товарищей, чтобы с ними не случилось того же, они осмелились броситься на него и связать его по рукам и ногам. Удерживая таким образом человека, казавшегося им неуязвимым, они бежали в город, где передали его, полные изумления и страха, оправдывая свою смелость тем, как высоко они оценили существование своего командира.

Маканцы приняли бесстрашного Кароксу с почтением, достойным тех важных услуг, которые он им оказал, и той доблести, которой он себя обессмертил. Но советник Арриага возвышался над всеми. Он обладал уникальной способностью вселять героизм в людей, которых он назначал на рискованные задания. Снисходительное отношение, которое он проявлял к гибели искусного моряка, или похвала, которой он осыпал отличившегося, вызывали у каждого желание быть принятым и восхваленным им. В данном случае объятия, подаренные Кароксе во имя страны, укрепили душу этого лузитанца настолько, что он один в своей лорке, с прочим снаряжением, считал себя достаточным, чтобы дать отпор всем пиратам.

Воистину, там, где уважают законы, общество свободно: и люди будут свободны там, где есть справедливое правительство, каким в то время был Макао. Он не отказывал своим согражданам в преимуществах, полученных благодаря своей промышленности, а заботился об их увеличении. Он не только перестал их угнетать, но и обеспечил им свободу; - ценное достояние человека, необходимое для его счастья; он так же далек от опасного разврата, как и от подневольного унижения. Предусмотрительное правительство лишь связывает людям руки, чтобы они не обижали друг друга, но позволяет им беспрепятственно работать для своего счастья; оно знает, что невежество не только ослепляет людей, но и делает их пассивными и несчастными: разум и свобода улучшают сердце и делают его добродетельным и решительным.

Арриага знал, что справедливое распределение наград и наказаний - лучший способ влияния правительства на народ: он использовал эти главные пружины человеческого сердца, чтобы поощрять добродетель и заслуги и заставлять частные интересы содействовать общественным. Несомненно то, что добродетель исчезает, когда порок почитается. Я иногда слышал, как говорили, что милости, оказанные неспособным, - это грабеж заслуг; а награды, полученные теми, кто хорошо служит своей стране, - это долги, которые за них платит правительство. Я был свидетелем благодеяний, которыми осыпали его жители Макао за то, что он так заботился об их состоянии. Он так справедливо оценивал заслуги людей, что не был в долгу ни перед удобством, ни перед государством: добродетель трудна для принцев и редка для министров.

Смельчаки, которые связали непобедимую Кароксу, были исключены из португальской службы. Он набрал новую команду и продолжил уничтожать пиратов. Попытки захватить Кам-пау-сай постоянно терпели неудачу.

Как только тайфун утих, наши люди отправились на поиски врага. 15 сентября 1809 года они обнаружили эскадры Кам-пау-сая и Апау-тая, собравшиеся в камышах [Вам-пу](#). Как только они увидели маканские корабли, они остановились, но наши напали на них. Кам-пау-сай вступил в бой; он ввел в него свои лучшие корабли: но яростный огонь наших кораблей нанес им такой урон, что, когда они оказались вне пределов досягаемости нашей артиллерии, лишь немногие из них были в состоянии снова вступить в бой. При всем этом, ослепленные

яростью и жаждой славы, чтобы обмануть людей своей партии, одни не ушли, а другие заняли их место. Поскольку Белисарио не был создан для такой жестокой войны, он открылся под натиском артиллерии; он стал неспособен сражаться: он отступил. Инвито "Алькофорадо", не сумев одолеть столь превосходящие силы, тоже отступил, но оставил в пепле множество вражеских кораблей.

Война всегда является плодотворным источником бедствий, смуты и разорения для народов. Неспокойный Кам-пау-сай появился в Китае, к огорчению его жителей и досаде маканцев. Очевидно, что завоеватель не только является врагом набранных им народов, но и становится бичом всего человечества. Да, война обременяет народы налогами, и редко когда в суматохе боя можно услышать мольбы о справедливости ^{[[14]]}.

В данном случае маканцы имели основания судить о силе противника: Кам-пау-сай был рад, что два португальских корабля были отведены.

Несмотря на понесенные потери, он стал еще надменнее и разрушительнее. Он до такой степени возвысил дух китайцев, что в Кантоне поднялись партии недовольных. Сунто, предвидя гибель, грозившую империи, договорился с маканским правительством о подкреплении португальской эскадры и вместе с китайцами пересек моря этих островов, чтобы освободить торговлю двух городов и соседних портов. Маканское правительство свидетельствовало о том, в каком затруднительном положении оказались жители города и какие расходы они понесли в столь длительной войне, о чем они едва ли могли договориться с китайцами, **так как** эта затея **была слишком** дорогостоящей. Учитывая все это, великодушный Арриага, для которого не было ничего невозможного, решил, что маканское правительство должно договориться с правительством Кантона, и было заключено следующее соглашение: ^[15]

Правительство двух провинций Кантона и Куангси и правительство Макао, одинаково убежденные в необходимости положить конец вторжениям пиратов (которые бесстрашно бороздят моря, омывающие эти два города) для восстановления общественного спокойствия и торговых отношений, **создадут** береговую охрану, объединив силы двух правительств: для этой цели они назначили своих уполномоченных: Кантон - мандаринов Нам-хай, Шон-кей-чи, Хианг-сам, Пом, и Каза-бранка, Чу; Макао - советника Арриагу и прокурора сената Хосе Жоакима де Барроса; которые, соответственно сообщив все свои полномочия и обсудив вопрос, заключили и согласовали следующие статьи:

1. будет создана береговая охрана из шести португальских кораблей, объединенных с императорской эскадрой; она будет плавать в течение шести месяцев от устья Тигре до города Макао, чтобы предотвратить проникновение пиратов на каноэ, которые они до сих пор заселяли.
2. китайское правительство обязуется выделить восемьдесят тысяч таэ на вооружение португальских кораблей.
- 3) Правительство Макао немедленно переправит два корабля, которые оно вооружило, и вскоре возьмется за остальные четыре.
- 4) Оба правительства должны помогать друг другу во всем, что отвечает интересам крейсерства, которое не будет выходить за пределы определенных пунктов.

5) Бивни будут поделены между двумя правительствами.

6. по окончании экспедиции маканцам будут возвращены их прежние привилегии.

7. Договаривающиеся стороны обязуются исполнить все, что предусмотрено в вышеупомянутых статьях, ничего не изменяя, и считать их ратифицированными в силу своих полных полномочий. Макао 23 ноября 1809 года.

Шоу-Кей-чи.-Арриага.

Пом.-Чу-Баррос.

Маканское правительство немедленно выполнило [третью](#) статью. Арриага начал содействовать снаряжению оставшихся кораблей, но казна сената не могла покрыть столь крупные расходы. Арриага занял крупные суммы денег у своих друзей под свой кредит: тогда и статья. Арриага начал продвигать снаряжение оставшихся кораблей, но казна Сената не могла покрыть столь крупные расходы. Арриага брал большие суммы денег у своих друзей сверх своего кредита: тогда это стоило много купцам, которые предлагали ему столько, сколько у них было ^[16].

В городе было слишком мало людей для экипажей кораблей, если не снабжать их вундеркиндами из португальского народа.

.....Обратный холод

*С изумлением наблюдая за безмерным рвением Востока,
Который увидит, что так много сделано столь малым числом людей.*

Мохатекан, наблюдая и испытывая доблесть португальцев в Диу, воскликнул: "Они достойны того, чтобы им служили другие народы". И действительно, сто португальцев и семьсот манильцев и камбоджийцев отправились в путь (через шесть дней после съезда), возглавляемые бесстрашным Алкофорато на непобедимой галере. Луис Карлос де Миранда командовал судном "Пала", Анаклето Жозе да Силва - "Индиано", Антонио Жозе Гонсалвес Карокса - бригом "Сенадо", Жозе Фелис дос Ремедиос - кораблем "С. Мигель", Жозе Алвес - "Белисарио". В тот же день они атаковали и разогнали пиратов, которые отступили дальше от Макао.

Кантонское правительство не проявляло такой активности, как маканское, более того, китайская эскадра ни разу не пришла нам на помощь. Они так боялись Кам-пау-сая, что

даже не осмелились напасть на него вместе с португальцами. Правительство Макао, видя, что вся провинция Кантон преследуется огромными силами пиратов, решило пренебречь помощью императорской эскадры и уничтожить только огромную силу Кам-пау-сая. Он послал вождя Алькофорато сказать ему, чтобы тот сдался в повиновение императору, обещая ему помилование и более высокий чин в классе мандаринов.

Вожди переписывались: наш вождь просил пиратского вождя прибыть в Макао для заключения дружественного соглашения, заявив, что если тот не согласится, то он использует все ресурсы войны и не успокоится, пока не будет истреблен.

Кампау-сай ответил: "Я знаю о вашем письме: оно меня не пугает. Я хочу заключить мир с португальцами, пока они меня не понимают. Что касается подчинения императору, то я больше не собираюсь этого делать, даже если вы будете уверять меня и говорить то, что вам хочется. Я не буду сомневаться в своих словах. Как только вы присоединитесь к этой партии, вы можете отправиться в Макао и сказать мне, чтобы я не имел дела с португальскими судами". Этот ответ Кам-пау-сая, подписанный 18 декабря 1809 года, был сдержан тем, что 11 числа того же месяца он был атакован и избит нашими войсками.

Пока происходили эти события между Алькофорато и Кам-пау-сая, император объявил амнистию всем пиратам, которые сдались ему. Апау-тай, опасаясь доблести наших людей, счел нужным сдаться. Он согласился с лидерами своего подразделения: сдался со ста тридцатью кораблями, хорошо оснащенными людьми и оружием.

Когда Кам-пау-сая предал его друг, которого он очень уважал, ему было больно видеть, как мало упорства у людей, даже у тех, кто связан самыми близкими интересами, родством и дружбой; но его дух был таков, что никакие несчастья не могли его запугать. Еще более дерзкий, он приказал захватить эскадру своего командования, чтобы завершить свои планы.

Алкофорато воспользовался трусостью Апау-тая, напал на него и заставил Кампау-сая отступить. Сразу же после этого он послал ему весть, что так же, как Апау-тай бросил его, так же поступят и остальные его спутники; и когда его силы уменьшатся, он будет вынужден сдаться в плен; что лучше капитулировать сейчас, чтобы получить почет и интерес, как он обещал и обещал. На эту вторую просьбу Кам-пау-сай ответил следующим образом.

Вчера я получил от вас очень убедительное письмо: я знаю, как сильно вы хотите видеть меня в Макао: я благодарен вам за столь необыкновенное послушание и почтение.

Находясь на море, как в центре королевства, в котором я держу скипетр власти и управления для всех, кто мне подчиняется, я очень занят. Управление королевством - дело непростое, поэтому я и не исполняю твое желание.

Сейчас все мои усилия направлены на то, чтобы восстановить и завладеть землями этого шара: так мои желания будут исполнены. Я наивно говорю вам, что именно такую цель я поставил перед собой. У меня много кораблей и запасов на долгое время: я ни в чем не испытываю недостатка. Видя, что вы высоко цените меня, я сообщаю вам о своем проекте.

Если вы захотите одолжить мне четыре корабля, чтобы я делал с ними все, что захочу, я быстрее восстановлю империю. Затем я отдам вам две или три провинции, чтобы вы были довольны. Я заверяю вас в верности моего обещания. Если вы не можете прислать мне

корабли сейчас, то это произойдет, когда вам будет удобно.

Многие советуют мне отказаться от вассальной зависимости от тартара! Это пустые увещевания. Если у меня будет эта эскадра с красным флагом, я приложу все усилия, чтобы восстановить империю. Я уже приказал своей эскадре направиться к устью реки Тигр, чтобы побить имперцев. У меня есть и другие дела, о которых я должен рассказать вам, но сейчас я не могу этого сделать. Содержания этого письма достаточно, чтобы дать вам представление о моей твердой цели. 26 декабря 1809 года.

Разочаровавшись в том, что ему не удалось освободить пиратов, не забрызгав их кровью, Алькофорато снова принялся их бить. Наши уже настолько освоились с каноэ на китайских островах, что пираты спасались от него только в небольших реках, куда наши суда не могли войти. Кам-пау-сай развлекал португальские суда игрой на тао, а сам упражнялся в артиллерийской стрельбе, взяв себе в наставники американцев-англичан, которых он посадил в тюрьму.

Он был настолько проницателен и хитер, что скрывал от нас свои планы с величайшей скромностью. 21 января 1810 года он решил, что сможет разгромить маканский флот. Он находился вблизи острова Лантао, когда пираты, выстроившись в дивизии, зашли с востока. По этому случаю непобедимый Алькофорато совершил такие великие чудеса, что их мог воспеть только наш Диниз.

Верная птица, бдительно охраняющая

От великой ярости Юве.

Когда молния на мертвых проливается

И грохочущая декстра,

Так стремительно к страшной стае

И не заглушает когти звезд,

Как знаменитый человек

На огромных парусах

Он падает, вооруженный великим гневом.

Взяв в руки

Свирепый меч, и превращает в свои ярости

Голубой океан в пурпурное озеро.

Представьте себе лагуну диаметром в шесть лиг, усеянную островами и сиртами, где только Галерно покрывал поверхность воды. Португальская эскадра состояла из шести кораблей, самый большой - в четыреста тонн, самый маленький - в 120: все они были гарнизоны 120 артиллерийскими орудиями и 700 людьми. Вражеская эскадра состояла из 300 судов, 1500 артиллерийских орудий и более 20 000 храбрецов, которыми командовал доблестный и отчаянный вождь. В этом конфликте знаменитый Алькофорато, энергично сжимая меч,

приказал атаковать. Это была электрическая искра, пущенная в сердца его соратников. Наши люди устремились в авангард вражеской колонны, отбиваясь от ее атак, пока не попали под винтовочный огонь. На этом расстоянии пулеметная очередь обратила корабль в бегство. Некоторые из самых бесстрашных высадились с подветренной стороны, чтобы поставить наших между двух огней, - маневр, который последние использовали, чтобы уничтожить их со всех сторон. Из-за дыма они едва могли разглядеть португальские корабли, окруженные их собственными. Хитрый и отважный пират думал, что, разделив наши корабли, он сможет их уничтожить; а португальский вождь, считая, что в каждом из его товарищей есть марс, хотел дать им всем повод продемонстрировать свое мастерство и безудержную доблесть. Таким образом, маканские корабли оказались в центре каждого пиратского круга: лучи, выпущенные из центра, несли разрушения, ужас и смерть в окрестности. Пули из окрестности редко попадали в центр: любое нарушение прицела означало, что они использовали пули на своих товарищах. В этот день прославились все португальские полководцы; но в бою случаются происшествия, которые делают одних более выдающимися, чем других. Корабль под командованием *Луиса Карлоса де Миранды*, находившийся в наибольшем напряжении сил, выбросился за борт: Кам-пау-сай, увидев корабль на мели, счел его в беспорядке; он приказал зарядить его, чтобы посмотреть, сможет ли он начать свой триумф с его уничтожения. Но решительный Миранда, видя опасности со всех сторон, решил победить врага или не выйти живым из схватки. Разрываясь между доблестью и отчаянием (последнее чувство великих душ), он сказал своим спутникам: "Я верю, что среди нас нет никого, кто принял бы бессмертную славу, которая уготована ему в этот счастливый день". Он приказал поставить моряков на батареи и, распространив свою доблесть на весь экипаж, нанес врагам такой урон, что у них уже не хватило духу сражаться с ним. Пока пираты отбивались от врага, поток воды вытащил корабль из воды.

Карокса также совершал чудеса. Случайно наткнувшись на Тао ^{пагоды}, он, как только увидел залог ошибки, обратился на него, и пока не сбросил его в пропасть, не успокоился. Храм, бонзы, идола - все было погружено в орка. Этот подвиг дерзкого Кароксы вызвал изумление и ужас у всех пиратов. Вид их богов, **разорванных на куски** и унесенных по воле вод, лишил их духа: они осмелились только бросить все **паруса** и укрыться в сырцах в устье реки Хианг-сан, куда не могли войти наши суда.

Не хватает ярких красок, чтобы показать их смятение при бегстве. Тогда Кам-пау-сай оценил силы маканцев скорее по их доблести, чем по смелости. Наши пели о победе! Но, не останавливаясь перед гибелью врага, они преследовали его до устья реки. Там дальновидный Алькофорода устроил плотную блокаду Кам-пау-сая. Он выпустил его только для того, чтобы тот сдался.

Кам-пау-сай решил сдаться, но одним из главных условий было то, что Мигель де Арриага будет гарантом всего, что было оговорено в акте капитуляции, и что он будет иметь дело с имперцами только в его присутствии. Как только правительство Макао получило этот отчет от вождя Алькофорода, оно отправило его Сунто, который переслал его императору.

По этому случаю произошло нечто, делающее большую честь памяти щедрого Арриаги. Когда дело дошло до передачи пиратов, в Макао прибыл новый **омбудсмен**, и в соответствии с законом Арриага передал ему эту должность. Но как только Кам-пау-сай и мандарины узнали об этом, они заявили маканскому правительству, что могут вступить в переговоры не с новым омбудсменом, а со старым, потому что он лучше знает дело и потому что только с ним

Кам-пау-сай капитулирует. Сенат и все маканцы желали того же, потому что репутация Арриаги среди китайцев была общеизвестна. Общая воля была полной, а ведь только в таких случаях люди радуются, когда страдает закон. Омбудсмен Пейшото приступил к исполнению своих обязанностей, но знаменитый Арриага продолжал заниматься этим важным делом.

Пока наши люди блокировали вражеский флот, а Арриага договаривался с мандаринами о капитуляции, произошло еще одно событие, которое делает большую честь памяти непобедимого Алькофорода. Как только португальский флот покинул Макао, он предложил вождю пиратов войти в Макао и обсудить там капитуляцию, но Кам-пау-сай, уверенный в своих силах, ответил отрицательно, как уже было сказано. Теперь, когда он был вынужден сделать то, от чего отказался, он попросил нашего Алькофорода удостоить его визитом, чтобы иметь удовольствие встретиться с ним лично.

У Алькофорода был скалер, оборудованный так, чтобы удовлетворить Кам-пау-сая, но его люди сказали ему, что было бы безрассудством отдаваться в руки пирата. Это напоминание сопровождалось ответственностью, что заставило Алькофорода созвать командиров других кораблей, сообщить им о приглашении Кам-пау-сая и принятом им решении. Все они согласились с мнением **офицеров** своего корабля, кроме него самого, который высказался так: "Я очень рад видеть, что вы стараетесь не рисковать мной во время этого визита, либо потому, что дорожите моим существованием, либо потому, что считаете, что я некоторым престижем. Признаюсь вам, что ваши усилия столь велики, что моя решимость становится тем тверже: уже потому, что отказ от этого приглашения сильно подорвет нашу репутацию, уже потому, что это будет первым признаком слабости маканской эскадры: если моя добрая воля будет предана, у вас появится новый стимул уничтожить врага, отомстив за меня. Уверяю вас, что когда Кам-пау-сай увидит меня на своем корабле, со счастливым сердцем и твердой душой, он будет трепетать перед вами". Все внимательно слушали его, и при последних словах каждый желал быть Алькофорода: но слава жертвовать собой ради чести своей страны и человечества принадлежала в этот раз только ему. Он попрощался и отправился навстречу вражеской эскадре. Как только мимо проплыло первое судно авангарда ^[Note 4^a]:

Зазвучали звучные трубы.

Радостные возгласы раздались:

С китаев батисферы вздыбили море,

Навесы сброшены на воды.

Ужасные бомбардировки грохотали

Облака дыма заслоняли солнце.

Когда Алькофорода прибыл на корабль Кам-пау-сая, тот встретил его у ворот и провел за руку в покои. Там они обменялись самыми изысканными любезностями. Кам-пау-сай, раздумывая, как отблагодарить нашего героя, не нашел другого способа польстить его душе, кроме как предложить ему за оказанную честь освободить всех пленных европейцев, находившихся в его флоте. Подарок был принят с демонстрациями, призванными завладеть дарителем на ниточках дружбы. Кам-пау-сай заверил его, что он старается не иметь его в

качестве врага, поскольку на собственном опыте убедился в доблести португальцев.

Он показал, что если бы он рискнул сразиться, то имел бы преимущество выйти из блокады с самыми мореходными судами, где мы не могли бы причинить ему неудобств; но что честь этого визита так его обязывала, что он решился сдаться со всей эскадрой; ввиду обещания, данного ему министром Арриагой, о котором он был высокого мнения и которому он охотно сдался.

Алькофорода подтвердил обещание министра, выразив сожаление, что капитуляция не зависит от него одного, чтобы удовлетворить Кам-пау-сая. Он сказал: "Как глава маканской эскадры, я имею приказ уничтожить вашу, если вы попытаетесь уйти отсюда, и я буду вынужден это сделать, поскольку таков португальский обычай - нарушать границы дружбы, когда того требуют нужды государства. Надеюсь, вы не дадите мне возможности их нарушить. Так обещал Кам-пау-сай; и наш Алькофорода встал:

Вспомните, как простился Луис XI с нашим Афонсу V; прибавьте к этому изысканность азиатских церемоний, и судите о разлуке этих воинов, которые не захотели уступить друг другу первенство в нежных привязанностях. При всем том Алькофорода не мог помешать Кам-пау-саю сопровождать его на шхуну, на которой он отправлялся к своему флоту. Когда они поднялись на борт, все корабли были спасены, и матросы взобрались на лонжероны, чтобы сразу же отдать ему свои эмборы.

Пока вожди навещали друг друга, было запланировано отправиться в Макао; туда, где должна была сдаться вражеская эскадра, поскольку Кам-пау-сай хотел передать ее португальцам. Лукас Жозе де Алваренга, военный губернатор этого города, не позволил маканцам устроить еще один день триумфа. Он боялся людей, которые с содроганием слушают о подвигах португальцев ^[20]. Поэтому Арриага был вынужден завершить это важное дело за пределами Макао.

Он предупредил монархов, Чу и Пом, чтобы они пришли в пагоду ^[21]: там они договорились, что место проведения съезда будет на вилле Хианг-сана, и велели делегатам императора собраться там в назначенный день. Собрались мандарины округа, мандарины двора и наш Арриага, который был принят среди них с особым почетом.

Конгресс уже обсуждал вопрос о капитуляции, когда из Макао прибыл доклад о том, что произошло между главами эскадр. Дерзость смельчака Алькофорода не только поставила под удар Кам-пау-сая, но и мандаринов, которые, пораженные услышанным, некоторое время отмечали жесты и манеры, которыми великодушный Арриага пленял их волю.

Когда конгресс возобновил свою работу, дела пошли быстрее, ибо с этого момента мандарины почти всегда были согласны с нашим министром. Они согласились приказать

Кам-пау-саю прибыть со своей эскадрой в Чумпин, где они также должны были встретиться: и они приказали вождю Алькофорода снять блокаду. Приказы были отправлены Кампау-саю, вождю, и Хосе Пинто Алькофорода, губернатором Макао: человеком, мало знакомым с китайскими обычаями, и трусом, поэтому приказ конгресса был отложен. На следующий день, когда Кам-пау-сай получил адресованный ему приказ, он поднял якорь и начал отплывать. Алькофорода, не обращая внимания на приказ конгресса и видя, что вражеская эскадра движется, приказал приостановить движение своей и стал маневрировать в неприятельском направлении. Кам-пау-сай сразу понял, что не хватает разведки: он приказал своему флоту замедлить ход и отплыть. Когда конгресс узнал о неосторожности робкого Алваренги, Арриага отправился в Макао бить его, а делегаты императора решили отправиться на португальскую эскадру, чтобы рассказать начальнику о том, что обсуждалось с министром.

Как только наш Алкофорода увидел на своем корабле двух китайцев в желтых кабанях, он понял их щедрость, ведь это был цвет императорской семьи. Он отнесся к ним с вежливостью, приличествующей китайской цивилизованности. Они умоляли португальского вождя не подвергать риску слова Арриаги и их самих по отношению к вождю пиратов, которому они велели плыть в Чумпин, а Алькофорода - отпустить его; чтобы неопытность губернатора не мешала исполнению полномочий, данных сенатом министру Арриаге.

Алькофорода ответил: "Я очень ценю **честь, которую** вы мне оказываете, и еще больше желаю быть вам полезным: но военные законы между нами исполняются без разногласий. У меня есть приказ правительства таранить неприятельскую эскадру, если она попытается уйти, и пока нет другого приказа, я не могу не сделать этого".

Мандарины сказали ему: "Праведный и доблестный человек, мы знаем, какие заслуги ты сделал для империи и своей нации: не подвергай эту славу опасности, снова оставив берега Китая пиратами. Кам-пау-сай по-прежнему располагает большими ресурсами: не раздражайте его. Большая часть провинции Чин-чеу переходит на его сторону: вы знаете, что она населена сильными, выносливыми и решительными людьми; люди, поднятые на волнах, смелы и хитры; в скором времени они соберут еще одну эскадру, чтобы заставить вас снять блокаду; поэтому, несмотря на вашу доблесть и усилия маканцев, нас ждет вечная война. Мы просим вас, ради того, что вам дороже всего, изменить имеющиеся у вас приказы, чтобы Кам-пау-сай не доверял нашему слову". По этому случаю из Макао, благодаря стараниям Арриаги, прибыл приказ, по которому Алькофорода снял блокаду и последовал за Кам-пау-саем **в Чумпин**. Мандарины очень обрадовались: они отправились к месту проведения конгресса, где и нашли нашего Арриагу. Был послан новый приказ Кам-пау-саю; на следующий день он явился в назначенное место.

Вождя пиратов встретили на борту и пригласили присоединиться к конгрессу, где он должен был подписать капитуляцию. Он прибыл незамедлительно: войдя в зал, где собрались прихожане, он встретил нашего министра по одежде и жестам: тот обратился к нему и заговорил таким образом.

Есть много причин, побудивших меня сдаться и обсудить с вами мою капитуляцию, чтобы присоединиться к классу Колаоса, как обещал мне император. Но я признаюсь вам, что главным было узнать точку опоры рычага, разрушающего мою власть. Я увидел вас: я удовлетворен. Я многим обязан природе и своему усердию, но во всем я нахожу себя побежденным вами". Обращаясь к мандаринам, он сказал: "Вы знаете из 14-летнего опыта, как силен и бдителен был мой скипетр: знайте теперь из моих уст, что его разрушила португальская доблесть. Я здесь, в вашем присутствии: надеюсь, вы отнесетесь ко мне как к свободному и бесстрашному человеку". Он сел на свое место.

Ему сказали, что, чтобы показать пример, он должен наказать [некоторых из своих людей](#), которые были более преступны. Чтобы выполнить это требование, я назову вам имена 14 преступников в эскадроне. Пусть они поплатятся головой за совершенные ими злодеяния, а я их не одобряю". Это было единственным препятствием, и сделка была заключена.

Кам-пау-сай заявил, что у него все еще остается дивизия из 80 судов, которую он, прежде чем напасть на маканскую эскадру, отправил в Чин-чеу для сбора прошлогодней дани; но что они сдадутся по его приказу.

Когда основные вопросы были улажены, они обсудили, как должна быть разделена дань, поскольку статья 1 конвенции была выполнена китайским правительством и только маканская эскадра привела Кам-пау-сай к капитуляции.

Министр Арриага уже показал китайцам, насколько доблестно и чувствительно его сердце; но теперь он хотел показать им, насколько он либерален. Из всего, что было в эскадре Кам-пау-сай, он потребовал лучшую часть бомб: все остальное он оставил в распоряжении императора. Сподвижники Кам-пау-сай стали китайскими подданными, сам он - полковником императора, а головы 14 преступников, в назидание злонамеренным, были нанизаны на палки на перешейке, ведущем из города на остров Макао, где и оставались до тех пор, пока их не поглотило время.

После капитуляции Кам-пау-сай сказал советнику Арриаге: "У меня еще есть к вам просьба. С вашего позволения, я хотел бы отправиться в Макао, чтобы иметь удовольствие увидеть всех моих победителей". Министр поблагодарил его, и конгресс был распущен, а все его члены ушли, полные радости и восхищения: Арриага - необъяснимой вежливостью и ученостью придворных мандаринов, или колаосов! Кам-пау-сай - личностью и духом Арриаги! Колаосы! Кампау-сай и Арриага! Все казалось им невероятным. Они едва ли могли надеяться избавить империю от бедствия, опустошавшего ее 14 лет подряд.

Как только Арриага вошел в город, он обратился к триумфу маканских героев, который в то же время был и его триумфом. Дом этого знаменитого человека был для них так же важен, как Капитолий для римлян. Внешне этот триумф не был столь эффектным, как триумф Цезаря или Жуана де Кастро в Гоа. Но сердца всех жителей Макао ликовали от невиданной радости.

В мае в Кантон пришло известие, что дивизия мятежников не желает сдаваться, пренебрегая приказом своего бывшего начальника. Кам-пау-сая предупредили о поведении пиратов и попросили сдержать слово, данное им при капитуляции. Он ответил: "Если дивизия в первый раз восстала против моего приказа, я не должен посылать другую. У меня есть более готовые средства. Дайте мне шестьдесят моих собственных кораблей, пусть они трижды столкнутся с теми, кто уже подчинился мне, и если я не приведу мятежников, я отдам вам свою голову". Напоминаю, что к моему слову можно относиться с подозрением: я оставлю в заложниках самое ценное, чем владею, - двух сыновей, которых подарила мне природа. Если вы отец, вы оцените качество залога.

Сунто: несмотря на то, что Кам-пау-сай демонстрировал твердое и благородное поведение, он отказался дать ему флот, о котором тот просил. Он заказал императорский флот из почти двухсот кораблей, хорошо оснащенный некоторыми военными орудиями, принадлежавшими Кампау-саю. Он покинул Кантон и отправился навстречу врагу. Через некоторое время он бегом ворвался в Макао и был разбит дивизией мятежников. Когда эта новость достигла Кантона, Сунто послал спросить советника Арриагу, как ему поступить с предложением Кампау-сая. Тот ответил, что на его месте Арриага принял бы услуги Кампау-сая, как только тот их предложил, не беря никаких заложников, поскольку он ожидает от него всего, что приличествует чести и пользе для империи.

Получив этот ответ, Сунто приказал доставить Кам-пау-саю шестьдесят кораблей и все, что он просил. Новый адмирал покинул Кантон, оставив всех в напряжении. Он направился в Макао, где все было готово к его приему. В назначенный день командиры нашей эскадры ^[Note 6] вместе с добрыми людьми города отправились в дом министра Арриаги. Хотя его еще не успели поприветствовать, о входе Кам-пау-сая было объявлено. Его провели в гостиную. Когда изысканные любезности были закончены, Чинес сказал: "Бессмертный бог, мои последние желания исполнены - я увидел и обнял таких возвышенных героев!" На лицах всех сияла радость от того, что Марс был унижен в их присутствии: "А доблестный командир Лорха Леан в этом кругу? Я хотел бы встретиться с ним - Вот он я, - ответил Карокса. Кам-пау-сай подошел к нему, обнял его и, повернувшись к министру, сказал: "Этот человек нанес моей державе больше вреда, чем вся ваша эскадра. Я потерпел поражение: но тот, кто оспорит славу португальцев, возглавляемых вами, будет победителем. Скоро я покажу вам, как я побеждаю других людей".

- "Из ваших действий, - сказал Арриага, - я понял, что вы выдающийся человек. Я благодарю всех вас за высокое уважение, которым мы пользуемся: уверяю вас, что это величайшая награда за наши труды - возвести вас в орден Колаоса, где вы сделаете состояние своей страны и восхищение императора. Подражайте своим победителям, которые всегда были готовы отдать свою жизнь за восстановление национальной славы, за свои права и права своего законного монарха. Помните все те подвиги, которые вы видели, как они совершали:

^[Note 7]

*И вам судить, что лучше,
Быть королем всего мира ^{или} такого народа.*

Если свобода, собственность и безопасность - единственные узы, связывающие людей с землей, где они живут, и с королем, если нет любви к стране там, где нет этих преимуществ, то судите о любви португальцев к королю и стране по качествам Жуана VI. Он отплачивает за любовь, которую мы питаем к нему, тем, что использует свою власть, чтобы противостоять сильным препятствиям и дать лекарство страстям своих подданных, причем мы не можем знать о его собственных страстях.^[23]

Из вашего имени великий король

*В этом Лузитанском королевстве
Установил тот же закон:
Что говорит его Пеликан
Законом и народом^{[[24]]}.*

Все время, пока знаменитый Кам-пау-сай находился в Макао, его удивляли необычные манеры, которыми министр Арриага оказывал ему честь: но он был вынужден вскоре покинуть Макао, чтобы выполнить свое поручение. Через несколько дней он встретился с повстанческой дивизией, которой дал понять, что он адмирал императорской эскадры, следующим образом:

Прокламация.

Товарищи и друзья, я знаю, что вы сомневались в моем приказе: вы поступили правильно. Вы, конечно, помните, что он фальшивый или что меня заставили написать его силой. Нет: я подписал его по собственной воле. Если вы все еще сомневаетесь, придите и узнайте это от меня. Я также расскажу вам о причинах, которые заставили меня сдаться. В этом мире есть два пути: путь добра или путь зла. Мы все хотим идти по доброму пути, но нас часто сбивают с него ошибки. Когда-то я советовал вам идти по моему пути, но тогда я еще не вступил на путь добра. Сегодня я знаю, что шел по дороге ошибок, далекой от воли величайшего множества людей. Население империи чрезвычайно велико, а наша партия **крайне** мала. Вы не можете отрицать, что в тех немногих, кто хочет завладеть тем, что принадлежит многим, должны быть необузданные амбиции. Это не соответствует ни законам империи, ни высшему пониманию. Мы все должны способствовать счастью других людей, а так, как мы заблуждаемся, мы делаем их несчастными ^[25]. Когда истина предстанет перед вашими глазами, я надеюсь, вы

без колебаний примете ее; а когда вы проявите упорство в своих заблуждениях, вы впервые испытаете мою строгость.

Мятежники не вняли словам Кам-пау-сая: возомнив себя сильнее, их дерзость возросла, и они ответили презрением. Кам-пау-сай распорядился своими людьми так, что через несколько часов те, кто не утонул, были взяты в плен. Он отплыл с ними в Макао, чтобы показать министру Арриаге и всем маканцам правду о том, что он ему сказал.

Повстанческая дивизия вошла в Макао в таком плачевном состоянии из-за повреждений, полученных в боях, что потребовалось много дней, чтобы подготовиться к походу в Кантон. Кам-пау-сай покинул нашу гавань и направился к устью *Тигра*. Там он обнаружил, что море полно кораблей, которые пришли, чтобы с триумфом доставить его в Сунто. Радость, которую испытали жители этого города по этому случаю, не поддается объяснению. Сунто выразил свое почтение [Кам-пау-саю](#) так, что если бы император приехал в Кантон, ему больше ничего не оставалось бы делать, чтобы оказать ему честь. Он дал такие прекрасные рекомендации двору о новом адмирале, что император приказал ему отправиться в Пекин, чтобы иметь удовольствие увидеть его.

Кам-пау-сай отправился в путь, и все города, через которые он проезжал, представляли собой интересное зрелище. Всем хотелось увидеть, как вождь пиратов (так напугавший трон и империю) превращается в одного из самых интересных людей империи. Как только он въехал в столицу, его представили императору: тот долго беседовал с ним: затем состоялся государственный совет, одним из членов которого был Кам-пау-сай. Должность выше, чем у государственных министров.

По этому можно судить о политике китайского правительства. Ему больше нечего было бояться на море; оно наградило Кам-пау-сая всем, чтобы не только выполнить обещанное, но и воспользоваться его знаниями и выдающимися качествами. ^[26]Вероятно, пока он будет государственным советником, в китайских морях не будет пиратов. Он приобрел такую репутацию при дворе, что не только частные лица, но и император относятся к нему с особым почтением.

Какими бы благовидными ни были мотивы войны, она всегда оскорбляет: даже если она стоит жизни всего одному человеку, она все равно смертельна. Статуя победителя всегда омывается слезами побежденных. Однако эта война была другой. Вынужденные защищать свои жизни и свои фермы, маканцы оценивали свои силы скорее по доблести, чем по численности; они атаковали и побеждали. Наказав нечестивцев, они бросили всех остальных в лоно своей страны, в объятия своих братьев. Вместо того чтобы оплакивать побежденных, они проливали слезы радости, обменивая труд и страдания на счастливую жизнь. В этой войне наш народ всегда уделял больше внимания гуманности, чем мести: за пределами сражения не было жестокости.

Когда во время капитуляции щедрый Арриага потребовал лучшую часть бомб Кам-пау-сая, он намеревался отдать их Жуану VI. Вернувшись в Макао, он объявил о своем проекте сенату, который охотно согласился.

В 1642 году сенат Макао уже посылал королю Жуану IV бомбарды, отнятые у голландцев, чтобы сломить иго филиппинцев. В 1811 году тот же сенат отправил королю Жуану VI артиллерию, захваченную у пиратов Китая, не только для того, чтобы показать ему огромную

силу побежденного врага, но и для того, чтобы использовать ее для разгрома фаланги Бонапарта.

Город Макао лишился многих своих привилегий. Китайцы, забыв о том, что сделали наши предки для блага своих великих, уже начали относиться к португальцам с тем же равнодушием, с каким они смотрели на других европейцев. Но ряд блестящих событий, произошедших в течение пяти лет, возродил нашу былую репутацию в этой империи.

Примечание (1-е)

Читая страницу 253 сокращенного отчета о путешествии Лаперуза, я не могу не оттолкнуться от фальши, написанной там в ущерб маканцам. Он начинает с того, что у него нет слов, чтобы похвалить губернатора Макао. На странице 255 он обрывается: "Макао имел бы огромное значение для справедливой нации, обладающей твердостью и достоинством, в борьбе с несправедливым, деспотичным и трусливым китайским правительством! Там он говорит, что губернатор Макао был превосходен, здесь португальское правительство не достойно и не справедливо, а китайское правительство, по его мнению, является худшим в мире!

Если Ла Перу-се хотел сказать о португальском правительстве применительно к Макао, то и это было неточно. Что еще мог сделать король или его делегаты, кроме как назначить правителем Макао человека, который, по словам самого Лаперуза, был готов пожертвовать собой ради чести нации? Лаперуз хотел найти в маканцах твердость, которая дала бы всем европейцам свободу отправляться в Китай и нарушать законы Империи, как это делал он сам, высаживая мех для контрабанды. И он смеет говорить, что китайское правительство несправедливо, деспотично и трусливо! Как можно судить об обычаях и характере наций по суждениям таких писателей? Китайская нация независима, она не желает общаться с европейцами, она отказывается от жадности внешней торговли ради мира империи. Однако Ле Перу-се и другие европейцы хотели найти в Макао людей, которые бы благоволили тому же императору в Пекиме! Из этих мемуаров, из рассудительных речей мандаринов, видно, насколько ложны и несправедливы ругательства Лаперуза против китайцев и маканцев.

Примечание (2-е)

Когда я восхваляю Фернана Переса де Андраде и других мореплавателей и воинов, я исхожу из справедливости и их добродетелей. Я бы уже не писал это сочинение, если бы война против пиратов не была основана на естественной обороне и благополучии народов, составляющих общество.

Эта война была великим благом для человечества. Я восхваляю только тех португальцев, которые в более счастливые для нас времена вели себя доблестно и достойно, и тех, кто подражает им сегодня. Афонсу де Албукерке уважали даже больше за его безупречные добродетели и справедливость, чем за его исключительную доблесть".

Примечание (3-е)

Кам-пау-сай был настолько экстремален в своем рвении, что не мог не вовлечь в фанатизм свой собственный народ, чтобы более благочестиво достичь целей своих замыслов. Как только корыстные бонзы заверили его в благополучном исходе дела, он запустил те орудия заблуждения, которые низводят человека до уровня скотины, заставляя его отбирать машину у завоевателей, которые почти всегда являются его палачами, приказал воздвигнуть пагоду на самом большом корабле и поручил командование им самому опытному капитану, чтобы тот любой ценой защищал храм идолов.

Здесь мы имеем дело с Кам-пау-саем, рыбаком из китайских морей, который стал защитником бонз и был признан их лидером.

Они сделали такие гигантские шаги на пути к суевериям, что больше не заключали ни войны, ни мира, не посоветовавшись с оракулом. Все военачальники покидали свои тао и шли к месту, где находилась пагода, чтобы воскурить идолов и услышать от оракула, что им следует делать; так договорился вождь пиратов с вождем бонзов.

Эти заблуждения, которые считались благоприятными для их намерений, были благоприятны и для наших. Пока они занимались такими выходками, маканская доблесть уничтожала пагоды, идолов, бонз и суеверных людей.

Примечание (4-е)

Почти во всех обстоятельствах своей жизни Алькофорода был достоин вечной памяти: на войне он творил чрезвычайные чудеса; в мирной жизни суждение г-на Араго показывает характер нашего героя.^[27] Вот как он его рисует.

-Поздравляю вас, друг мой; мы прибыли в Дили.^[28] Я расскажу вам, как нас разместили. Трудно добавить больше вежливости или больше заботы к откровенным признаниям в дружбе, честным манерам и частым любезностям. С самого первого дня щедрость губернатора в изобилии посылала к нашему столу самые изысканные деликатесы. По его словам, он хотел показать, какое удовольствие он испытывает, поднимая тост за покровителей величайших мудрецов мира.

Роскошные ужины, на которых председательствовали шафранововолосые, усыпанные драгоценностями добряки страны, феерические вечеринки, где царила самая откровенная и деятельная галантность, заставляли исчезать часы, пролетающие на крыльях удовольствия.

Губернатор нашел еще один способ увеличить доказательства своей щедрой привязанности: он заставлял почти всех принимать подарки, делая вид, что не ценит их, чтобы избавить нас от угрызений совести. Его звали Жозе Пинто Алкофорода де Азеведо э Соуза: приветливый, веселый и знающий молодой человек. Как он нам рассказал, причиной его изгнания на Тимор были политические причины.^[29] Он очень заботился о том, чтобы поздравить вверенную ему страну: его управление было приятным. Раджаз не унижен деспотизмом, как в Купанге. По договору к ним относятся с любовью.

В другие эпохи меньшие достоинства другого Соузы воспевались так.

*Le généreux Souza, qui sut dompter l'amour
Dans ces climats ardents où son feu nous dévore,
Et q'après Scipion la vertu **nomme** encore.*

Примечание (5-е)

3 июня 1810 года почтенный и доброжелательный гражданин Хосе Баптиста де Миранда-э-Лима воспел достоинства нашего Арриаги следующим образом:

В тени лиственного оливкового дерева,

Для тебя, так долго желанного,

(Благодарение Всемогущему Творцу.)

Я вижу, как ты, дорогая страна^[1], отдыхаешь.

В просторном пелаге, который окружает вас,
Вы больше не видите, как развеваются враждебные знамена^[2].
Вы не слышите рева ужасов.
...отвратительной пушечной пальбы^[4].

Соленой пыли, которая когда-то служила
Чтобы издалека посылать смертоносные снаряды.
Если сегодня вы носите железные трубы^[6],
то лишь для того, чтобы отпраздновать их взрывы.

Сотни тау^[7], полные шин,
которые жестоко разорвали вас^[8].
Нежные девушки и девы
Вашему Отцу подвергся^[9] Вечный Сущий.

Ваш благодетельный отец, Арриага^[10]

Этих тиранов Гиркании укротил
И лиственное оливковое дерево, что покрывает вас,
срубив тысячу препятствий, он посадил.

Больше они не зачеркнули фантазию^[11]

имя этого героя португальского народа:
И теперь, когда вы празднуете свой триумф,
Зеленая пальма опояшет его лоб.

Эта эмблема победы украсит его,

Прекрасные цветы стремятся обозначить
Эти почетные качества,
В этом самом блестящем сыне Лисии.

Белокурый подсолнух, который всегда следует за

За планетой, освещающей других^[12]
Обозначает пресловутую верность
Героя нашего к брагантинскому отпрыску.

Рубиновые амаранты, противостоящие

Ветру, штилю, льду, символизируют
Неустршимое постоянство в начинаниях^[13],
которую увековечило имя Арриаги.

Азуцена Кандида, которая тратит

Свободно тратит коростеля, которым наслаждается.
Символ его простой груди^[14],
Эмблема вашей щедрой души.

Лилия, рожденная из высокой палки,

Царь цветочной монархии

Вниз склоняет возвышенный фронт,

Ее милосердие и любезность ^[15].

Самые добродетельные символы он ищет

В других прекрасных цветах сада;

Не забывайте о розах-рубикундах,

можжевельники, гвоздики, жасмин.

От вас примите теперь этот венец

Даже если она меньше, чем вы заслуживаете;

Хотя для вас приготовлена другая, получше

В царстве над небесами.

Примечания Антонио Франсиско де Миранда э Соуза, декана собора Макао.

1-я Родина - город Макао.

2-я Красные и черные флаги двух вражеских колонн.

3-я

4-я Тысяча восемьсот бомб разного калибра, доставленных Кам-пау-саем и более тысячи - Апау-таем, пиратскими вождями.

5-й Порох, фабрику которого Мигель де Арриага основал в Макао в 1809 году по заказу аптекаря Ж. Ж. дос Сантоса.

6-й Когда портрет Эль-Рея появился в зале, где праздновался триумф и где находились дворяне и духовенство, а вокруг них - лучшая часть городского населения.

7 Военные корабли. Кам-пау-сай доставил 3 800 человек, Апаутай - 2 000.

8-е Только в канале Хиангсан было убито более 15 000 человек.

9-е Капитуляция Кам-пау-сая перед благосклонностью Мигеля де Арриаги, его посредника в отношениях с императором Китая.

10-й Мигель де Арриага Брум да Сильвейра, омбудсмен Макао.

11 Имя Мигеля де Арриаги будут помнить не только на острове Макао, но и император Китая,

поскольку Сунто занес его в свои анналы, чтобы о нем сохранилась вечная память.

12-е Великое и непобедимое рвение, с которым Арриага вел сенат и губернатора против англичан, чтобы они не отняли этот город у португальского народа.

13-й Вопреки зависти, интригам и ненависти тех, кто презирал это начинание. Постоянство Арриаги принесло нам победу.

14-я Откровенность и честность, с которой он относился к Кампау-саи и Сунту. Только наш Арриага смог примирить дружбу между враждовавшими людьми.

15 Презирая трудности, он всегда относился к плохим людям в Макао с тем же снисхождением, что и к хорошим, и все это было порождено благородством его сердца и высокими и совершенными **добродетелями, которыми он обладал**.

В награду за столь важные заслуги король Жуан VI оставил его на посту омбудсмана Макао без ограничения срока, от чего и произошли его несчастья и преждевременная смерть.

Примечание (6-е)

Среди наших героев не было больших чинов: самым высоким был чин начальника, Жозе Пинто Алкофорато де Азеведо э Соуза: капитан артиллерии. На самом деле, чтобы совершать великие дела, не нужны высокие чины. Во времена Андрадесов, Соусов, Пачеко и других, совершавших вундеркинды, в необычность которых трудно поверить, их тоже совершали люди, которые умели чествовать себя званием своего имени!

Чтобы не быть слишком длинным, я упомянул только маканцев, совершивших экстремальные поступки. Если бы я стал упоминать всех тех, кто совершил полезные поступки за пять лет войны с пиратами, то **получился** бы очень толстый том; ведь их было много, и все они заслуживают похвалы.

Примечание 7

Когда правительства не поощряют людей к славе, их сограждане не имеют большого общественного уважения. Большинство людей подобны скупому торговцу: если они вооружаются, то не в надежде обессмертить свое имя. Они жаждут лишь выгоды и боятся, что корабль сойдет с уже пройденного пути, потому что знают, что новых земель не откроют. При всем этом они советуют лоцману, что если его занесет штормом на неизвестный остров и он будет вынужден всплыть, то не должен исследовать его и узнавать **жителей**: он должен **набрать воды** и плыть к цели, не заботясь об открытиях^[30]. Нет больше ни Зарко, ни Гама! На морях этого мира, завидуя лишь почестям, должностям и богатству, мало

кто отправляется исследовать природу^[31]. Однако правительство Макао доказало, насколько сильно оно поощряло своих сограждан к славе. Чтобы заслужить ее, они не получали пенсий, а рисковали жизнью и отдавали свои поместья. Благодаря маканцам, за славу, которую они приобрели, и за бескорыстие, которое они проявили, они встали в один ряд с Кастро и Альбукерками.

ЧАСТЬ ДВА.

ВТОРЖЕНИЕ АНГЛИЙСКИХ ВОЙСК В МАКАО И ИХ ВЫВОД.

ПРОЛОГ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Добродетель - это основа общества: она состоит в том, чтобы воздерживаться от дурных поступков, не лишать никого преимуществ, которыми он пользуется, воздавать каждому должное и способствовать счастью других людей в целом. Человек заслуживает звания добродетельного только в том случае, если он способствует пользе и безопасности общества.

Первая из социальных добродетелей - гуманность; ее можно считать общим центром всех остальных. Она дает человеку право на владение нашим сердцем. Да, она основана на чувствительности, и это чувство располагает нас к тому, чтобы делать другим все то добро, на которое способны наши способности. Его следствиями являются любовь, благодеяние, либеральность, снисходительность и жалость.

Когда гуманность живет в обществе, в котором мы живем, она составляет любовь к отечеству, то есть порождает необходимую национальную привязанность.

Сила должна почитаться как добродетель только тогда, когда она защищает общество, в котором мы живем, когда она сопровождается величием души, доблестью и умеренностью. Активность также должна войти в ряд социальных добродетелей; те из них, целью которых является благо общества, должны быть действенными, а не инертными, как другие, химерические и ложные, привнесенные самозванством или фанатизмом. Общество благодарно только за полезные действия: только они заслуживают его уважения и признания.

Справедливость - это узы социального союза; она держит весы в равновесии между членами

общества; она исправляет зло, проистекающее из различия, которое природа создала между людьми, и заставляет это неравенство служить общему благу. Справедливость, благодаря законам справедливости и разумному распределению наград и наказаний, поощряет добродетель, подавляет порок и призывает к порядку тех, кто поддается искушению действовать против себе подобных.

Это те качества, которые общество должно требовать от своих членов; все показывает нам их полезность; они необходимы и неизменны, поскольку основаны на природе и постоянных потребностях человеческого рода. Если нет справедливости, то нет и счастья в обществе; без нее социальное состояние становится более неприятным, чем состояние дикаря. Лучше жить в одиночестве, чем в окружении несправедливых людей.

Благоразумие рождается из разума или опыта вещей. Разум возвышает человека до причин, учит его изучать их влияние и предсказывать последствия. Да, разум сравнивает предметы и лишает их ложной видимости; он пользуется прошлым и будущим, чтобы не отклониться от нужной цели в нужное время.

Человеческое, активное, справедливое и благоразумное правительство приводит к благополучию общества; его главная задача - обеспечить гражданам возможность наслаждаться плодами своего труда в мире и спокойствии; оградить их от внутренних пороков и внешних вторжений. Сенат Макао, твердо придерживаясь этих принципов и зная, как сильно английские перегружатели жаждали этого нашего заведения, стоял на страже против тех, кто хотел испортить его владения или нарушить общественное спокойствие.

Когда адмирал Друри прибыл туда с приказом лорда Минто (губернатора Бенгалии) ввести английские войска в Макао, хотя они и утверждали, что делают это в нашу пользу, Сенат заподозрил, с какими обязательствами они намеревались подтвердить это предложение.

Поэтому, твердо придерживаясь своего решения, он поддерживал следующую переписку между китайцами и англичанами.

ЧАСТЬ ДВА

Как только адмирал Друри высадился в Макао, он отправил повестку от лорда Минто Бернардо Алейшо (губернатору Макао)^[32] и послал Роберта (первый перегрузчик компании) с делегацией к губернатору. Роберт высказался в таком духе:^[33]

-Я послан адмиралом Друри, чтобы сообщить вам, что он намерен использовать силы своего командования для обороны Макао от французов! Объяснение этой меры, данное Вашему Превосходительству лордом Минто, лишает меня необходимости повторять причины, по которым британское правительство действует таким образом.

Адмирал готов посоветоваться с вами до высадки войск: при всем том Сенат также должен

быть готов сотрудничать с англичанами ради безопасности этого города и торговли; если предложенный план не осуществится из-за Сената, адмирал, к своему сожалению, будет действовать противоположным образом".

11 сентября Стоит отметить угрозу, исходящую от перегрузки при первом же взгляде на нее!

"Мое сердце радуется, - сказал Бернардо Алейшо, - видя, что вы берете на себя обязательство защищать лузитанские **владения**: при всем тесном союзе наших монархов, приказах, которые я имею от короля Жуана VI, и договорах, заключенных с китайцами, я не должен соглашаться на высадку ваших войск без приказа свыше".

12 сентября Я не сомневаюсь, ответил Друри, в вашей откровенности и убежденности в близости наших монархов: я понимаю положение, в котором вы оказались: однако предупреждаю вас, что из-за большого расстояния от места, где вы можете получить высший приказ, вы не получите его так скоро, поскольку мой долг - исполнить то, что мне приказал лорд Минто. Для завершения этого дела я желаю иметь с вами совещание.

13 сентября

Не только в первом донесении, но и в первом ответе Сенат имел достаточно оснований для подозрений относительно британских намерений; поэтому он направил адмиралу следующее письмо: ^[34]

Предполагая, что вы уверены в моей причине не изменять имеющиеся у меня приказы, я должен быть польщен вашим убеждением как в моей верности при исполнении своих обязанностей, так и в моей уверенности в тесном союзе наших монархов: поэтому я надеюсь, что вы измените инструкции лорда Минто, пока не поступят приказы из Бразилии или Гоа. Я также отложу информирование китайского правительства о ваших намерениях: намерениях, которые трудно понять надменным и подозрительным народам.

Я буду дорожить вашим визитом, я сделаю все, чтобы удовлетворить вас, за исключением согласия на высадку ваших войск. Я буду рад узнать от вас, как устранить страх этих народов, который оставался у них в 1802 году, а теперь возобновлен вашим притворством". Китайская империя была защитницей этого города в течение 270 лет; больше ничего не нужно для его защиты. Поскольку принуждение является источником беспорядков, а вам известны наши причины, я надеюсь, что если ваши усилия приведут к плохому результату, вы не станете винить в этом правительство Макао.

14 сентября Поскольку к 16-му числу от адмирала не было ответа, Сенат направил Перегрузов протест, в котором говорилось: Осложнение британских дел будет непогрешимым, если ваш адмирал попытается пойти против договоренностей, достигнутых в 1802 году Сенатом с китайским правительством о непринятии иностранной помощи.

Теперь, когда я знаю от губернатора Бенгалии, что вы принимаете большое участие в этом стремлении, я обязан заверить вас, что в непредвиденном случае, если те же

подстрекательства к допуску **ваших войск** в этот город будут продолжаться, я приведу в исполнение то, о чем заявляю в прилагаемом протесте. Ваше поведение по отношению к людям, которые были верными и друзьями дома Браганса с момента его реставрации, отвратительно. Я требую, чтобы протест вместе с копией этого письма был направлен адмиралу".

Поскольку эти письма не возымели желаемого действия, Сенат направил мандарину Хиан-сану следующее донесение.

Десятого сентября перед этим городом появились корабль, фрегат и бриг английской нации, во главе которых стоял адмирал Друри. Он привез письмо от лорда Минто, который сообщил, что посылает солдат от своего короля, бывшего нашего союзника, для защиты этого города от любого французского вторжения. Адмирал уверяет нас, что не превысит пределов обороны; однако, поскольку его высадка в этом городе нарушает договоры между этим правительством и небесной династией, мы вынуждены сделать вам это предупреждение, чтобы вы могли отнести его в Сунто, в силу тех же договоров.

Правительство Макао, движимое горячим желанием сохранить политические и торговые отношения, связывавшие этот город с китайцами и различными европейскими государствами, и стремясь и впредь заслужить во мнении народов, как своих, так и зарубежных, звание верного и почетного, в котором никогда не отказывал этому сенату, сочло необходимым представить общественности краткое и откровенное изложение фактов, имевших место со времени прибытия адмирала Друри в этот порт до сегодняшнего дня, в следующем протесте.

Десятого сентября 1808 года флот под командованием адмирала Друри прибыл в порт этого города. 11-го числа я получил письмо от лорда Минто, в котором он упоминал о бедствиях в Португалии и об одолжении, которое наш король получил от Георга IV, чтобы сохранить за собой владения в Индии и Китае, и что, поскольку они имеют большое значение для англичан, они должны быть гарнизонырованы его войсками. С этой целью он послал в этот город отряд и просил, по узам древней дружбы, принять его и обустроить.

В том же акте я заявил, что по причинам упомянутой мною дружбы они не должны действовать таким образом, чтобы разрушить независимость, которую они хотят сохранить; я также не позволю, чтобы меня нарушили, заставив делать то, что я не должен.

Я надеялся на некоторую сдержанность этого ответа, тем более что они знали, что китайцы не примут никаких новшеств, которые могут ослабить их независимость. В ответ они приказали главе компании передать, что если войска не будут допущены, то они будут вести себя по-другому.

Твердый в своих принципах и первой решимости, я заверил его в неизменности своих мыслей и мыслей жителей этого города, которые больше не дают повода для вторжения и

набегов нации, претендующей на союзничество: но если этот угрожающий вызов состоится, я буду защищаться в соответствии с естественным правом и пределами этой площади, которые всегда соблюдались всеми народами, привыкшими отдыхать под сенью португальского флага.

Видя, что англичане не успокаиваются и что усилия самого испытанного благоразумия пропадают даром; желая спасти честь и мир, стесненные нашим старейшим союзником, я не должен был более медлить с представлением необходимого доклада китайскому правительству. Последнее, как покровитель города, основанного вашей концессией в его владениях, от которого он получает фору к своему удовлетворению, скоро окажет необходимую помощь. Я вынужден сообщить вам обо всех обстоятельствах, хотя и знаю, **насколько** печальными станут ваши меры, если адмирал не прекратит свою дерзость.

Сенат воспримет как враждебную любую процедуру, направленную на высадку войск в этом городе; он заявляет, что будет защищаться до последней крайности. Он протестует против таких процедур: ответственность ляжет на агрессоров. Разум одушевляет жителей этого города, который за время своего непрерывного владения подарил столько чести и славы португальской нации.

16 сентября Кто бы не ожидал от англичан умеренности при прочтении этого протеста? Либеральные предложения лорда Минто были отвергнуты из-за нелояльного поведения маканского правительства ^[36], и наши усилия избавить этот город от французского вторжения, и мы хотим сохранить хорошие отношения между китайским правительством и британской нацией: мы вынуждены из-за неопытного поведения маканцев принимать меры, которые могут оскорбить китайцев; но Сенат ответит за все.

Мы доведены до болезненной крайности, сообщая вам, что английские солдаты скоро займут Макао. Мы намерены, когда наступит этот момент, высадиться на берег и овладеть городом на острие штыка. Любое сопротивление мы будем рассматривать как прямое восстание. Чтобы избежать столкновения разъяренных солдат и матросов, Сенат должен принять британские войска уже сейчас".

Эта повестка была получена 19 сентября, когда от мандаринов округа пришло еще одно письмо с просьбой к Сенату не позволять английским войскам высаживаться. Губернатор отправил копию этой повестки адмиралу со следующим письмом.

Я получил вашу повестку! С сожалением вижу в ней, что правительство этого города сочли неверным за то, что оно не пустило английский гарнизон вопреки своему долгу! И что вы воспримете как враждебный акт любое сопротивление с нашей стороны, давая в качестве единственного средства от стольких бед, ввести сюда английские войска! Я знаю о причинах, которые я вам назвал; мне кажется странным, что вы характеризуете это правительство как злонамеренное в исполнении своих обязанностей. Признаюсь, что со своей стороны я изменил их, полагая, что выдающаяся дружба соответствующих монархов

сохранится. Я рассмотрел ваш вызов в полном составе: изучив последнюю часть, в которой вы говорите, что ваша строгость будет прекращена, если английский отряд будет допущен, я хотел бы знать, как вы сделаете это, не давая нам повода не доверять британским намерениям, и чтобы китайцы не обиделись на столь скандальную процедуру. Уверяю вас, это будет вредно не только для Макао: английская компания также пострадает от ее последствий".

20-го числа суперкарго Робертс, Патл, Браместон, Хелфинстоун и Баринг направили губернатору следующее письмо: "Протест вашего превосходительства будет представлен адмиралу, как и повестка мандаринов. Мы знаем, что они собой представляют: адмирал не обратит на них никакого внимания. Если понадобится, он завершит это дело с Сунто".

20 сентября 1808 года памятно в маканских летописях. Они враждовали с пиратами Китая, и английский адмирал угрожал им нападением на бухту. Но чем сильнее были невзгоды, тем больше рос дух маканцев... Как только в сенате был опубликован несправедливый, жестокий и зверский вызов английских войск, все закричали: "Только после того, как мы умрем, защищая эти стены, возведенные нашими величайшими людьми, смогут войти эти варвары, которые, не имея возможности захватить наши дома из-за лицемерия, пытаются сделать это с помощью угроз". Капитан-майор Хосе Жоахим де Баррос, пылая патриотической любовью, сказал губернатору: "Я пойду в самое рискованное место, там я отдам свою жизнь, защищая свой пост". Бернардо Алейшо, преисполненный благоразумия, не потерпел поражения в доблести. Он повернулся к [министру](#) Арриаге и сказал: "Почтенный коллега, с такими товарищами маканские [дома](#) не будут отняты. Мы должны перестать думать о людях, которые кажутся нам скорее врагами, чем союзниками. Я покидаю свою резиденцию на Прайя-Гранде; я займу свой пост в крепости Монте, полагаясь на то, что вы сделаете все возможное для сохранения общественного спокойствия; и пусть все поймут, что оно не будет сдано до тех пор, пока я существую.

Кто может написать о природных и научных дарованиях, проявленных великодушным Арриагой в этом конфликте? Он знал, как умерить возвышенную доблесть, которую он разжег [в сердцах маканцев, и убедить их](#), что национальная честь ничуть не оскорблена высадкой английских войск [с разрешения](#) сената; и, возможно, это придаст новую значимость славе португальцев; [он заверил их, что](#) англичане не задержатся в Макао. Он сказал, что все знают, что правительство сделало все возможное, чтобы избавить город от английского вторжения, но что переговоры дошли до такой крайности, что он считает необходимым научить англичан на собственном опыте, что маканцы не терпят захватчиков.

В стране разгорелась нешуточная борьба; были приняты все меры, чтобы высадка прошла без каких-либо беспорядков. Крепости были переданы надежным людям. Губернатор отправился в ту, что на холме, а капитан-майор - в ту, что на острове Святого [Франциска](#). Гарнизон стал командовать сеньор Хосе Озорио де Кастро Кабрал э Альбукерке, которого правительство всегда хвалило за умение сочетать военные качества с гражданскими добродетелями.

21-го числа, на рассвете, капитаны Робертсон и Колфилд высадились на берег, имея полное право вести дела с правительством Макао по поводу высадки войск; они привезли Бернардо Алейшо следующее письмо.

Адмирал, я имел честь получить ваше донесение, в котором вы сообщаете мне о мудром и верном решении Сената позволить английскому отряду защищать этот город. Мне доставляет огромное удовольствие вступить в Макао как искренний друг, не **нарушая** древней дружбы наших монархов. Уверяю вас, что вы найдете повиновение и уважение в британских войсках".

Как изменился язык, который вы использовали 17-го числа! Когда маканцы не уступали британскому упорству, они были неверны; теперь же, когда они, кажется, ослабили в защите своих прав, они верны и мудры! Вы увидите, как они быстро изменят свой язык".

В тот же день делегаты от Адмирала и Сената (Бернардо Алейшо и Мигель де Арриага) согласовали следующие статьи.

- 1) Законы страны действуют в полном объеме.
- 2) Преступления против китайцев будут рассматриваться в соответствии с установленным порядком.
- 3) Английский отряд будет подчиняться правительству этого города, по согласованию с капитаном Робертсоном, в чрезвычайных случаях.
4. В Макао не будет развеваться никакой другой флаг, кроме португальского.
5. боеприпасы отряда будут храниться на государственных складах по распоряжению правительства этого города. Англичанам будет разрешено пользоваться ими.
6. корабли, которые по законам страны имеют свободный вход в эту гавань, не будут останавливаться или регистрироваться англичанами: а английские корабли останутся в том же состоянии, в каком они были до этой конвенции.

После подписания Сенат постарается избежать осложнений с китайским правительством. Правительство Его Величества Британии несет ответственность перед господином Жуаном VI за последствия этого договора.

Войска высадились без всякого переполоха; их разместили в торговом пункте Бернарду Гомеш де Лемос, а также в крепостях Гия и Бом-Парту. Адмирал попросил разместить их в двух последних крепостях, чтобы не было никаких беспорядков.

Прежде чем высадить войска, он сказал, что они будут проявлять послушание и уважение, но как только он вошел с ними в город, он изменил свою речь: он сразу же испугался, что англичане оскорбят китайцев. Намерение Перегрузи и адмирала состояло в том, чтобы постепенно, прикрываясь плащом дружбы, завладеть всеми крепостями, постоянно требуя, чтобы правительство Макао сообщило правительству Кантона, что все это - результат тесного союза между двумя коронами - Португальской и Гран-Бертанью.

Первого октября адмирал попросил у сената разрешения отправить Сунто договор, заключенный с сенатом до того, как английские войска **вошли в** Макао. Сунто уже был в курсе всего, что было сделано в Макао.

8-го числа адмирал и его люди начали жаловаться губернатору на оскорбления, которые китайцы бросали в адрес англичан.-Мы вынуждены, к нашему сожалению, представить вам необходимость разместить наш отряд в крепости Монте, чтобы избежать общения с китайцами; **потому что** они уже избили нескольких офицеров, а сегодня утром оскорбили других так, что если бы они не находились в пределах казарм, то произошел бы большой беспорядок. Если отряд расположится в **крепости** на холме, то опасность отпадет. Мы заверяем вас в том, с каким отвращением мы обращаемся с этим ходатайством, но мы вынуждены это сделать во избежание бед, которые могут связать наши правительства с правительствами китайцев, которые, как мы слышали, делают большие приготовления к войне. Было бы хорошо, если бы так же, как вы опубликовали приказ Гоа о приеме нашего отряда, вы сделали то же самое с прокламацией вице-короля Гоа".

Англичане, несомненно, надеялись найти маканцев в том состоянии, в котором их описывал капитан Лаперуз, и что Бернардо Алейшо не обладает талантами и достоинствами, описанными этим знаменитым мореплавателем на страницах его путешествия. Следующее письмо вывело англичан из состояния иллюзии.

У меня нет никаких сомнений в том, чтобы перевести ваш отряд в крепость на холме: поскольку это необходимо для обороны от французов, это соответствует приказу, который я получил из Гоа ^[37]: Однако, поскольку причина этого требования заключается в том, чтобы избежать общения и споров с китайцами, я уверен, что на торговом посту, где вы расквартированы, с дисциплиной, которую вы будете использовать в крепости, вы достигнете той же цели, не вызывая ревности со стороны китайцев; причина, без сомнения, большего зла, чем вы намереваетесь избежать: и более того, это не соответствует договору, который мы заключили.

-Недоверие к китайскому правительству усилилось после оккупации британскими войсками крепостей Гуйя и Бом-Парто. Это еще больше поставит под угрозу торговлю двух наций, которые в союзе с китайцами имеют равную долю в этом городе. Британская нация не согласится ни на какой план , разрушающий этот союз: и **я** не могу допустить никакой защиты, противоречащей лояльности, которую это правительство имеет по отношению к конституции империи, ее защитника; и с правом на территорию, которую оно называет

частью той же империи.

Хотя причина моя сильна, мое сожаление будет еще больше, когда окажется, что моя готовность признать заслуги Его Британского Величества короля Иоанна VI лишена снисходительности". Они требуют, чтобы вы дождались ответа китайского правительства на статьи нашей конвенции, которые не могут быть изменены, чтобы мы не были вынуждены делать новую декларацию. Сейчас это было бы рискованным шагом, учитывая щепетильность китайцев в отношении британских намерений. Сенат больше не будет отказываться от сотрудничества во всем, что полезно для британской нации. Он только что обратился к окружным мандаринам с просьбой принять меры, чтобы китайцы не оскорбляли ваших офицеров.

Я льщу себя тем, что предал гласности приказ из Гоа. Я также опубликовал прокламацию. Я также опубликовал прокламацию, которую я дал приказу из Гоа. Я также опубликовал прокламацию в соответствии с обычаями этого правительства. Живите, зная, что я не скрою того, что может вас заинтересовать, не нарушая приличий этого города.

С 3 по 14 октября Сенат получил несколько уведомлений от мандарина господина Хиана, на которые прокурор Жозе Жоаким де Баррос ответил в таком духе: "Я, прокурор города Макао, мандарин Хао-кинг, посылаю вам всю нашу переписку с англичанами, чтобы вы могли знать правду. Сенат послал адмиралу все ваши дощечки, (предупреждения) в этих обстоятельствах - вот что мы можем сделать".

Мандарин ответил: "Что касается писем адмирала, то, хотя я и переводил их, я не могу понять их истинного смысла: надеюсь, вы передадите предъявителю этого письма, чтобы я понял. Приказ вице-короля Гоа не имеет силы против существующих договоров небесного правительства с вашим королем. Что касается недовольства китайцев, проживающих в Макао, то это зависит от вас: заставьте англичан вернуться на свои корабли, и все будут совершенно спокойны.

Октябрь. 16-го числа он отправил еще одно уведомление.

- "Я знаю, что мое письмо англичанам с просьбой покинуть Макао было представлено, и что они **ответили, что** пришли защищать Макао от французов, поскольку ваш король не может этого сделать сейчас; и что для того, чтобы уйти, им нужно, чтобы пришли португальские солдаты!

Неоспоримо, что Макао - китайская территория, и что небесная династия **даровала** ее вам, учитывая, что **вы приехали** издалека и хотите отдохнуть в этой империи. На протяжении почти трех столетий она не только относилась к вам как к людям, не отличающимся от других народов, но и как к своим детям, осыпая вас благами. ^[38] Французы обычно не оскорбляют земли этой империи: когда они сейчас совершают эту несправедливость, англичане должны помнить, что у нас есть мандарины с письмами и оружием, а также мощная армия, чтобы

защитить вас в случае необходимости. Объясните эти истины адмиралу и суперкарго и попросите их, с моей стороны, без промедления снарядить свой отряд".

17-го числа, когда тот же мандарин узнал, , что китайцы эмигрируют из Макао, напуганные угрозой войны, он отправил еще одно письмо прокурору, предлагая ему войска на помощь португальцам и побуждая китайцев заключить обычную сделку, чтобы жители города не страдали от недостатка продовольствия.

(18 октября.) - Вчера я показал вашу табличку адмиралу (прокурор вернулся к Мандарину), и он заверил меня, что поедет в Кантон, чтобы окончательно оформить эту сделку с Сунто. Я надеюсь, что вы постараетесь вести себя с ним должным образом, поскольку он занимается столь важным делом".

В тот же день, 17-го числа, губернатор получил следующее письмо (от перегрузов): "Пусть ваше превосходительство поймет, как важно для португальской и английской наций поскорее уладить разногласия между нами и китайцами. Путешествие адмирала в Кантон направлено на эту цель, но его намерения должны быть искренне рассказаны Сунто. Только отец Родриго может сделать это так, как мы хотим, поэтому мы просим ваше превосходительство разрешить ему сопровождать адмирала ". Губернатор выдал просимое разрешение.

Когда была надежда, что бедствия в Макао уменьшатся, они усилились. Об этом свидетельствуют перегрузки в следующем письме: достаточно поразмыслить над ним, чтобы понять намерения британцев.

-Сегодня утром мы узнали, что еще один отряд прибыл из Бомбея. Адмирал приказывает ему немедленно высадиться. Мы просим Ваше Превосходительство принять необходимые меры. Мы добьемся больших преимуществ, если вы убедите китайцев, что это войска, посланные вашим королем, и что, высадившись, они высадят тех, кто находится на суше. Чтобы сделать это напоминание более весомым, ваше превосходительство может прислать корабли под португальским флагом". Возражения китайцев не имеют особого значения. Для этой второй высадки вашему превосходительству не нужно умолять вашу честь. Мы просим разрешения сообщить Вашему Превосходительству о скандальном поведении некоторых маканцев, неверных королю Жуану VI, поскольку они посылают мандаринам неблагоприятные для англичан представления . Их плохое поведение является источником тех неудобств, которые мы испытываем. Если ваше превосходительство не исправит столь великое зло, адмирал отправит людей, которых он подозревает, в Бразилию". ^[39] Это письмо наглядно демонстрирует защиту, которую англичане оказывали Макао. (21 октября.) В ответ на 1-е высокомерие [англичанинамошенническое](#) , 2-е ложь, 3-е высокомерие, 4-е клевету, 5-е деспотизм его непревзойденного благоразумия, он ответил в таких выражениях.

(21 октября.) - Вы говорите, что у вас есть приказ адмирала высадить войска, которые снова прибыли! И вы хотите, чтобы я дал понять китайцам, что они прибыли от господина Жуана VI!

Я бы не сомневался в их высадке, если бы обстоятельства, возникшие после высадки первых, не осложнили переговоры с мандаринами. Если вторая высадка произойдет до того, как адмирал посоветуется с Сунто, это может сорвать сделку и повредить торговле, которая уже приостановлена в Кантоне. Следует добавить, что сейчас я получил протест по поводу этого войска, к которому я должен отнестись очень серьезно. Этот город сильно пострадал от вашей экспедиции, и моя задача - заботиться о его интересах. Я не думаю, что здесь есть жители, неверные дому Браганса, хотя мой долг - разобраться в этом вопросе".

(21 октября.)- В тот же день мандарин Хианг-сан написал прокурору Макао в таком духе: "Я понимаю, что туда прибывают новые английские войска; вы не должны больше позволять им высаживаться. Мы очень сомневаемся в их намерениях. Если вы согласитесь, я сообщу в Сунто, что вы не справляетесь со своими обязанностями".

(Октябрь) - С 21 по 28 число происходили беспорядки между англичанами и китайцами. Прокурор представил мандаринам, что у него нет законов, по которым можно было бы наказывать китайцев в таких случаях, и что ему нужны меры для этого. Вам не нужны законы, чтобы наказывать за преступления, которых в этой империи больше не должно быть. Высадите англичан, и все будет решено". На требование принять меры ответа не последовало.

(Октябрь.)- 29-го числа Перегрузины написали губернатору:- Мы точно знаем , что партесипации Вашего Превосходительства (о британской помощи) не были доведены до сведения Сунто, как следовало бы; наоборот. Мы просим Ваше Превосходительство объявить ему о справедливой процедуре британского правительства и направить это заявление адмиралу, чтобы он передал его Сунто. Мы выражаем отвращение Вашему Превосходительству к тому, чтобы следовать примеру вице-короля Гоа, то есть поощрять португальцев против наших врагов. Если бы жителей этого города напутствовали подобным образом, они бы захотели получить нашу помощь, а не ненавидеть ее".

(30 октября) "Среди трудностей, которые я вам представил, - сказал Бернардо Алейшо, - **были осложнения** с китайцами. Я знаю систему их правления по долгому опыту, приобретенному на практике; я знаю, какие узлы связывают их с этим городом; вот почему я предвидел плохой исход вашего начинания. Говоря прямо, я считался вызовом вашим проектам. 20-го числа прошлого месяца вы устранили любое противодействие со стороны китайского правительства , которое было устранено адмиралом с Сунто; теперь я вижу, что завершение сделки зависит от этого правительства.

Сенат работает над тем, чтобы цели вашей экспедиции не считались зловещими: если у мандаринов и было недоверие, то не по вине этого правительства; ведь оно откровенно раскрыло свою переписку между вами и китайцами.

Я уже говорил вам и теперь повторяю: ни один из маканцев не отказывает в уважении дому Браганса, который привык осыпать этот город благами в честь своего правительства и во

славу его жителей. Однако, поскольку не возбраняется любить общественное спокойствие своей страны, не должно быть странным, что все оплакивают ее несчастье: не хуля причины, они ненавидят следствия.

Родители оплакивают смерть своих детей из-за того, что их бросили китайские няньки - которые уехали. Несчастные, для которых ежедневный труд - это ресурс, сетуют на нехватку и скудость продуктов питания. Более обеспеченные люди огорчены тем, что пришло время заниматься своими делами, а на сайте их товары все еще лежат привязанными в течение пяти дней из-за отсутствия гироскопа. Даже корабли не могут быть изготовлены без ремесленников, которые тоже бежали. Государственные служащие, видя, что торговля зашла в тупик, с горечью осознают, что государство забирает у них доход, чтобы платить им. Те же китайские жители, которые любят торговать, эмигрировали и забрали с собой даже самый низкий мусор. Этого следовало ожидать от мирных людей, когда они увидели орудия войны. Вам также угрожают мандарины, которые считают, что конституция империи подверглась нападению из-за вашего безрассудства.

Ввиду всего вышесказанного неудивительно, что есть недовольные люди, которые сожалеют о своем несчастье и стремятся к покою этого верного учреждения, которое в течение 252 лет всегда соблюдало приказы своего монарха. Судите по этой картине, нуждается ли такой народ в прокламациях, чтобы быть верным королю, которого он обожает?

Как только это письмо было отправлено, Сенат приказал прокурору потребовать от мандарина Хиан-сана причину английской жалобы, что он и сделал следующим образом: "Глава английской компании обвиняет вас в том, что вы не отправили мои таблички в Сунто, или что, отправив их, вы испортили текст. Я не могу поверить, что вы ведете себя так, что не соответствует вашей работе и характеру. Надеюсь, вы немедленно представите оригиналы Сунто: копии я отправлю адмиралу для проверки, чтобы не навредить вашей репутации".

Перегрузов ответил на письмо тридцати следующим образом:- Ваше письмо наполнило наши сердца скорбью по поводу обстоятельств, в которых оказались жители Макао; все произошло из-за поведения сената: если бы он принял нашу систему, ему не пришлось бы теперь видеть эти беды. Макаонцы решили принять меры против нашей экспедиции; они неоднократно обращались к китайскому правительству за помощью против враждебных британских действий: чрезмерная ревность китайцев и поведение сената вызвали все беды. Мы действительно говорили, что адмирал устранил все препятствия в Кантоне; это произойдет, если маканское правительство объединится с адмиралом.

Усилия, которые вы обещаете приложить в своих обращениях к китайскому правительству, имеют для нас большое значение. Мы знаем, что они принесут хорошие плоды. Мы убеждены, что только правительство Макао может устранить нынешние трудности и несчастья.

Это прекрасный документ, призванный, по возможности, повысить честь маканцев за счет

того значения, которое он имеет для китайцев". В начале письма они взывают к маканцам, а в конце просят пощады! Таковы были амбиции или наглость этих бретонцев, что они заявили правительству Макао, что бедствия в этом городе вызваны невежеством китайцев и манипуляциями сената! Кто не видит, что все это происходит от упорства соберкаров в желании завладеть нашим учреждением? Кто может поверить, что это стремление поддерживалось только для того, чтобы сохранить Макао от португальцев? Адмирал скоро выйдет из иллюзии, в которой его держали соберкарги".

Последний абзац этого письма заслуживает особого внимания : губернатор отверг аргументы первого абзаца и ответил на второй: "Я вижу, что вам необходимо новое обращение правительства в Кантон: Сенат уже послал письмо мандарину округа, копия которого отправлена вам, а также вся наша переписка с китайцами о вас. Я делаю это для того, чтобы узнать, не положит ли это конец вашим подозрениям.

С учетом этого и с той же осторожностью (даже если я до сих пор ошибался) я буду делать новые представления китайскому правительству, когда вы скажете мне, как утишить бурю, угрожающую вам из-за недоверия высших мандаринов.

Учитывая бесформенное тело, в которое превратился этот бизнес, кто бы не ожидал умеренности в завышенных тарифах? Следующее письмо свидетельствует об обратном!

(3 ноября.) - Они по-прежнему намерены нарушать законы империи, ввозя и разгружая британские корабли в Макао. - В силу приказа адмирала, говорят они, мы докладываем вашему превосходительству, что у вас есть склады для хранения товаров, прибывающих на наших кораблях . Эта мера вызвана противодействием китайцев той помощи, которую мы оказываем этому городу. Мы надеемся, что Ваше Превосходительство не откажется от Ваших крайних усилий от нашего имени, видя, что жертвы, принесенные правительством Макао, ничтожны по сравнению с теми, которые мы понесли из-за эмбарго на британскую торговлю (в Кантоне), только потому, что мы были достаточно великодушны, желая обеспечить безопасность этого города: Поэтому мы ожидаем приказа о разгрузке, не откладывая.

Я не сомневаюсь в том, что могу покорно подчиниться воле адмирала, - ответил Бернардо Алейшо, - но я вынужден сказать то, что, будучи публичным, вы с удивлением игнорируете. Законы этой страны допускают иностранные корабли только в случае простого гостеприимства, в соответствии с правом наций. Это относится к кораблям, входящим в Кантон и покидающим его до тех пор, пока они не достигнут места назначения. Если какой-либо из кораблей компании окажется в таких же условиях, не будет никаких сомнений в их допуске; но если разгрузка, которая должна произойти в Макао, вызвана противодействием китайцев британской торговле, я большое затруднение в исполнении моего желания.

Договоры этого города с китайским правительством разрешают приход в этот порт только португальских или испанских судов; если английская торговля запрещена в Кантоне, то как я могу разрешить ее в Макао, который является китайским владением, предоставленным

португальцам только на определенных условиях, которые вы, претендуя на помощь, хотите нарушить?

Кроме того, здесь нет места для таких больших грузов: из-за нехватки машин все склады забиты товарами, оставшимися после последнего муссона. Вы говорите, что ваши жертвы велики, а наши - мелочь! В этом смысле жертвы не должны рассматриваться с точки зрения ценности богатства: из того, что вы много теряете, не следует, что наши жертвы не больше, если мы потеряем все. Вы обвиняете в своих потерях нас, а что мы собираемся с этим делать? Время рассудит наше поведение ^[40].

Сейчас (несмотря ни на что) я с таким рвением служу вам, что если какое-либо судно окажется в состоянии, когда его разгрузка станет необходимой, ему будет оказана необходимая помощь, как это принято у цивилизованных народов; без ущерба для внутренних и частных связей, поддерживаемых усилиями и славой португальской нации.

В течение всего ноября происходили беспорядки между китайцами и англичанами: последние не только жестоко обращались с ними, встречая на улицах, но и забрасывали камнями их окна. Сколько бы раз прокурор Сената ни требовал от мандаринов принятия мер, ответ всегда был один: "Выгоните англичан из города, и все будет спокойно". Когда англичане стали упорствовать в разгрузке своих кораблей в Макао, Сунто обратился к суперкарго со следующим наставлением.

Суперкарго английской компании, знайте, что добродетель нашего императора проявляется как небо, она охватывает все: учитывая, что королевства Европы давно показали себя послушными и политическими, он предоставил европейцам лицензию на ведение переговоров в Кантоне; рассматривая вас как людей одной семьи. Вы испытали это на себе и знаете, что вам никогда не разрешалось оставаться в Китае на постоянной основе. Поэтому вы не должны приводить корабли, полные солдат, или высаживать их вопреки законам империи. Макао - город, построенный на китайской земле: прошлая династия позволила португальцам поселиться там; нынешняя, в силу своего прежнего владения, разрешила им остаться, как и прежде, но на определенных условиях. Ни один европеец не получил подобной привилегии! Как получилось, что вы теперь принадлежите Макао? Вы говорите, что боитесь, что французы будут оскорблять маканцев! Они никогда не осмеливались тревожить земли этой империи, и когда они придут, мы будем ждать их с большим спокойствием; придя слабыми и будучи немногими против многих, они будут побеждены без боя. Им повезет, как мясу в лавке торговца. Вы говорите, что вы друзья португальцев и что вы пришли помочь им против французов! Почему же вы не проявили эту дружелюбность в Европе, или почему вы не поджидаете их у китайских островов, чтобы побить их, когда они приплывут? Неправильно, что вы находитесь в Макао, нарушая законы империи и расторгая взаимный союз, который должен существовать во всех ее владениях: так вы теряете право на нашу благосклонность. Разве вы не знаете, что вас интересует? Можете ли вы существовать без торговли? Конечно, нет: ведь чем скорее вы высадите солдат, тем скорее таможня будет открыта для вас. Если же вы задержите их отправку, у вас не будет никакого сообщения с землей. Подумайте хорошенько о том, что я предлагаю, и больше не беспокойте меня просьбами".

Пока правительство Макао просило мандаринов округа помочь ему залечить раны,

нанесенные англичанами законам империи, чтобы Сунто не гневался на них, пришло еще одно письмо от мандарина Хянсана, в котором говорилось: - Я, губернатор двух провинций, являюсь губернатором двух провинций.

Я, губернатор двух провинций Кантона и Куанси, настоящим сообщаю мандарину Хиангсана, что жители Макао сами виноваты в том, что английские солдаты вошли в Макао, так как им следовало бы смутиться. Но, изучив их древнее и современное поведение, я обнаружил, что они всегда были благодарны нашим императорам; по этой причине я терпимо отношусь к допущенной ошибке.

Что касается английских кораблей, то я уже посоветовался с Куампу, чтобы разрешить им разгружаться и торговать. Что касается солдат, я сообщил об этом императору; вот его ответ: - Если англичане имеют наглость упорствовать в своем упрямстве, выгоните их с нашей армией; через несколько дней они пойдут на Макао: однако порекомендуйте португальцам охранять крепость на холме. Я предупредил прокурора, чтобы он не доверял англичанам.

Поскольку они не спешили выполнять приказы Сунто, гордость и недоверие китайцев возросли, и они решили, что мы тоже виновны в оскорблении, нанесенном англичанами. Высадка войск уже не была самым большим преступлением: больше всего китайскую гордость задевало то, что они не сразу **повиновались** приказу императора. Мандарины были настолько горячи, что не пропускали ни дня без повторения своих требований к англичанам покинуть Макао: таков был их дух.

Господин прокурор, эти англичане вошли в Макао и захватили церкви и крепости! Скоро они заберут ваши дома, которыми вы владели веками; потом они заберут ваших жен и детей: мы не можем терпеть такое великое оскорбление. Восемьдесят тысяч человек идут на поля Моа (близ города Макао), чтобы уничтожить их. Они презрели милость Сунто; они будут страдать от тяжести сил, идущих против них. Эти англичане, будучи людьми, не имеют человеческого сердца; они знают, какое зло они совершили, и не раскаиваются! Мы хотим, чтобы все жили в мире, и мы вынуждены посылать армию, опасаясь, что ни один англичанин не избежит смерти! Пусть он узнает эти истины и спросит его, хотят ли они по-прежнему упорно противиться грозящему им правосудию?" Прокурор ответил.

- "Я представил английским владыкам самые необходимые из ваших дощечек; они не пренебрегают милостями Сунто; они готовы отступить, но не могут сделать это внезапно. Англичане пришли нам на помощь, поэтому я думаю, что ваше недоверие необоснованно. Нам не нужна ваша армия; она принесет больше вреда городу. Вы знаете законы, по которым существует это наше учреждение: ни одно китайское войско не должно входить в него или даже приближаться к стенам этого города без спроса, и это то, что еще не пришло нам в голову. Нечестно подражать англичанам: они говорили, что придут нам на помощь, а принесли беды и убытки".

Поражает благоразумие и великодушие маканского сената по отношению к англичанам, ведь они их только оскорбляли! В то же время перегрузжатели отправили Бернардо Алейшо следующее письмо,

-Ситуация, в которой мы оказались, печальна: у нас есть рекомендация адмирала избегать военных действий и делать все возможное для примирения с китайцами. Если эта рекомендация будет подтверждена мандаринам Вашим Превосходительством, это,

несомненно, уменьшит их жесткость по отношению к англичанам.

Во время величайших конфликтов великодушный Арриага появлялся на публике и приносил всем мир. Он предложил договориться с мандаринами о выводе английской экспедиции без кровопролития, что привело к заключению следующего договора.

Бернардо Алейшо де Лемос э Фариа, Мигель де Арриага Брун да Силвейра и командующий британскими войсками с перегрузками отборной роты, желая вывести британский отряд, пристойно согласились:

1. **министр** Арриага будет вести переговоры с мандаринами о выводе английских войск, оставив английскую торговлю в том же состоянии, в каком она была до их вступления в этот город.

2. поскольку эти переговоры требуют сотрудничества адмирала, Мигель де Арриага отправится в Вампо-о, чтобы завершить их там наиболее выгодным для связей между тремя государствами способом.

3. как только эти переговоры будут завершены, запрет на поставки для **англичан** будет снят.

4 Мандарины немедленно приостановят поход китайских войск, направляющихся в этот город.

(11 декабря.)

Эта конвенция показывает уверенность министра Арриаги в том, что ему удастся укротить гордость и жесткость мандаринов. Кажется невозможным, чтобы одна лишь политика, твердость характера и урбанистичность одного человека могли сдерживать китайскую справедливость, поддерживаемую 80 000 человек! Следующее письмо, адресованное Бернардо Алейшо, показывает, насколько Арриага властвовал над волей мандаринов.

(11 декабря) После подписания конвенции сегодня утром я отправился в пагоду, где меня ждали мандарины: я долго беседовал с ними, чтобы сгладить трудности, свойственные скрупулезной и подозрительной нации; однако они согласились на все, что я предложил. Более того, я убедился в добрых намерениях англичан (хотя они и были плохими для нас); в этой разведке они заверили меня, что английская торговля останется на тех же основаниях и в той же системе, что и прежде, - мандарины были уволены; Арриага вернулся в город, довольный тем, что завершил столь трудные переговоры средствами, которые были столь же почетны для португальской нации, сколь и лестны для переговорщика.

Когда мандарин Хианг-сан узнал, что новый губернатор Лукас Жозе де Алваренга призывает его занять свой пост, он отправил прокурору следующую дощечку.

-С момента въезда англичан и до сегодняшнего дня прежний губернатор хорошо управлял этим делом; теперь, похоже, преемник просит привести его к присяге, и господин Бернардо Алейшо де Лемос э Фариа намерен это сделать: это неудобно: англичане вошли во время его правления, и они должны уйти во время него. Мы знаем, что новый губернатор прибыл на английском корабле; кто может гарантировать нам, что он не ведет переписку с этими людьми? Нечестно и неудобно, чтобы он вступил в должность сейчас. В экстраординарных случаях не всегда можно следовать обычным законам: когда англичане покинут Макао и все будут в мире, все будет делаться по закону и обычаям".

(11 декабря 1808 г.) В тот же день Мигель де Арриага отправился в Вам-Пу на бриге "Сенадо". Через 24 часа он достиг устья реки Тигре: как только он увидел ее, он остановился и встретил бриг. 14 декабря Арриага сделал следующее сообщение Бернардо Алейшо: "Как только я прибыл на судно, я спросил адмирала о моей миссии: он ответил, что уже приказал высадить войска, и что он хотел бы быть благодарным за официальные заявления, сделанные ранее правительством Макао, поскольку они были правдивы и надежны. Он принял меня с вежливостью, подобающей его персоне: он сказал, что ожидает от правительства Мокао хорошей работы по устранению любых трудностей, которые могут возникнуть снова. Мы попрощались с ним с теми же церемониями, что и при входе, но он не захотел уступать и проводил меня до ворот.

Как только министр Арриага завершил свои переговоры с адмиралом, губернатор Бернардо Алейшо де Лемос э Фариа отправил ему следующее письмо.

(Декабрь 1808 г.) - Письма вашего превосходительства от 11 и 14 числа показывают, как много труда вы вложили в конференцию с мандаринами: из контекста этих писем видны чрезмерное усердие и забота, с которыми вы, выходя за обычные рамки, старались с героическим патриотизмом успокоить жестокую революцию, угрожавшую этому городу.

Благодаря своему огромному рвению и признанному таланту вы оказали важнейшую услугу своей стране. Благодаря таким эффективным и уникальным усилиям *англичане должны уйти без кровопролития, а маканцы - сохранить мир в городе*".

(Декабрь 1808.)- 16-го числа британский отряд начал уходить; после того как все принадлежащее ему было погружено, перегружатели немедленно попытались получить лицензию на разгрузку своих товаров в Кантоне. 1 января Сунто выпустил следующую табличку.

-Ку-Хиунг-Куанг, сунто (вице-король) Кантона, сообщает всем европейцам, что в результате высадки английских солдат в Макао им больше не будет разрешено торговать в этой империи. При всем этом, помня, что их король предложил дань нашему императору, мы сожалеем об обиде, которую они нанесли нам, войдя в Макао. Теперь, отправив солдат обратно в свои земли, раскаявшиеся перегружатели с великим смирением просят прощения, чтобы им было позволено торговать в этой империи. Зная о милосердии нашего императора, я уступил их неоднократным мольбам, разрешив им высадить свои товары и продать их в этом городе. Они должны принять эту милость как чрезвычайное благодеяние". Это показывает, что китайские законы со временем ослабли: в будущем будут приняты более строгие меры. Отныне, если какой-нибудь европеец осмелится нарушить законы империи, он будет изгнан навсегда.

Таким образом, англичане остались в том же положении, в каком были до попытки захвата Макао; компания потеряла огромные суммы денег, потраченные на это предприятие.

Показав, что они отказались от перегрузок, я теперь объясню, почему они пытались это сделать.

Огромное влияние Бонапарта на полуострове вынудило короля Жуана VI закрыть порты для англичан: эта мера заставила бретонцев думать, что Бонапарт завладеет Португалией, как и

большей частью Европы.

Считая себя под игом нового Филиппа, их врага, их врага, как был врагом старого, они использовали урок, полученный от голландцев, то есть хотели завладеть тем, что мы еще имели на Востоке.

Поскольку наши владения в Азии представляли интерес для англичан, они не хотели, чтобы ими завладела какая-либо другая нация, кроме Португалии, либо из-за их старого союза, либо потому, что они ее не боялись. Они предупредили агентов компании, чтобы те охраняли принадлежащие нам земли в этой части света, дабы они не достались французам; в надежде, что если Португалия вернет себе независимость, то все останется как прежде, а если она не сможет сбросить французское иго, то они унаследуют то, что мы еще имеем на Востоке. Именно поэтому англичане захватили Гоа и Макао - города, которые навсегда увековечили португальское имя.

К этим успехам в Европе добавилось желание английских владык иметь свое представительство в Китае; они считали неуважением к своей власти, чтобы португальцы имели в Китае то, чего не могли добиться англичане. Будучи богатыми, они вливали деньги в Кантонскую ярмарку, надеясь, что случае разногласий между португальцами и китайцами, последние предпочтут их.

Португальцев много критикуют за то, что они делали в своих завоеваниях в темные века; во всех отношениях они менее виновны, чем англичане, потому что последние не менее жестоки в более просвещенном веке. Следующая таблица показывает разницу в амбициях и деспотизме двух наций.

-На Востоке существует огромная империя, в которой проживает более 100 миллионов человек различных каст, цветов кожи и рас: это английская Индия. Суверенитет не принадлежит нации - уникальный пример в мировой истории - он принадлежит компании торговцев! Карфагеняне обогащались за счет торговли, они завоевали Сицилию и Испанию; но именно республика, все тело нации, приобрела важные владения с помощью оружия. В наше время голландская компания приобрела большое величие; но ее учреждения на берегах Азии были укрепленными крепостями, а не колониями.

Английская компания, не теряя торговых морских портов, расширила свои владения более чем на триста лиг вглубь страны. Самые плодородные и богатые регионы земного шара принадлежат ей, как тюки фермерской земли, сложенные на ее складах. Вождь и делегаты выставляют напоказ азиатскую роскошь и царствуют с гордостью.

Торговая спекуляция возвысила это сокровище нового рода, которое выживает, не поддерживаемое, как другие, ни славой князей, ни уважением народов, ни временем, терпящим и освящающим гнусные узурпации.

Власть столь великих доминионов, можно сказать, продается с аукциона, и самый мерзкий англичанин, имея несколько книг и купив акции общества, может стать членом этого общества, обладающего крепостями, кораблями и более чем сотней тысяч солдат; Кроме того, эта колоссальная держава, разрушившая империю Великих Моголов, империю Теппо-Саила, а иногда угрожавшая Софи Персидскому и Великому Власть таких великих владений, можно сказать, продается с аукциона; самый мерзкий англичанин, имея несколько книг и

купив акции общества, может стать членом этого общества, у которого есть крепости, корабли и более ста тысяч солдат; Более того, он может прийти и возглавить эту колоссальную державу, которая разрушила империю Великого Могола, империю Тейп-Саила, а иногда угрожала Софи Персии и Великому Ламе^[41]!

Португальцы сражались с сектантами Мафомы в Индии, освободив таким образом мирных жителей из турецкого плена; англичане использовали оружие сарацин, чтобы сковать злосчастного Брамаса.

Таким образом, видно, что если в те мрачные времена лузитаны творили чудеса в Индии, мстя туркам за зло, причиненное им на нашей земле, то сегодня мы не имеем заслуг в порядке наших величайших; потому что Сунто сказал: "Ни один другой европеец не достигнет (по заслугам) привилегий, дарованных португальцам". -Перегрузчики признались, что только правительство Макао может устранить трудности и несчастья (которые они причинили): адмирал Друри также сказал: "Я очень благодарен правительству Макао за его предыдущие заявления, потому что они были правдивыми и справедливыми". Такие заявления подтверждают достоинство лузитанского характера во все времена и во всех местах.

Когда о поведении этих перегрузок стало известно в Лондоне, были назначены другие: прибыв в Макао, они скрыли то, что произошло там в 1808 году, и рассказали о том, что они видели на практике в 1809 году, следующим образом: "Патриотические заявления и забота маканцев принесли этому городу много преимуществ, португальскому правительству - славу, а всем торговым нациям - свободу китайских морей^[42]. Китайский народ радуется исчезновению врага, угнетавшего его более 20 лет, потому что морские силы империи были недостаточны для его уничтожения".

Я добавлю то, что не смогли написать перегруженцы: для Макао и славы португальской нации было немалым преимуществом выгнать из этого города английские войска, которые хотели его захватить.

Увидев мемуары господина Лукаса Жозе де Алваренги, бывшего губернатора Макао, я вынужден оспорить их, чтобы загладить перед жителями Макао обиду, нанесенную им этим печальным и жалким хвастуном.

Я напечатал его мемуары в Рио-де-Жанейро в 1828 году, а он говорит, что причиной тому послужил другой мемуар, напечатанный в Лиссабоне в 1824 году, потому что в нем встречается его бесславное имя. Будучи тем, кто ее написал, я должен показать, почему я не говорю о господине Лукасе с похвалой.

Я отправился из Макао в Лиссабон в январе 1808 года, а господин Лукас прибыл в этот город в сентябре того же года. Я вернулся в Макао в ноябре 1810 года, а он уже уехал в апреле того же года. Желая собрать факты об уничтожении пиратов, чтобы завершить свой опус, я взял протоколы заседаний сената и видных людей того города. Они так низко ценили этого джентльмена, что не осмеливались доверить ему управление оружием до тех пор, пока не заставили английские войска уйти, как явствует из письма мандарина Хианг-сана.

Г-н Лукас на 4-й странице своего мемуара говорит, что факты, изложенные в напечатанном в Лиссабоне мемуаре, правдивы, а именно: 1) рвение и деятельность министра Арриаги; 2)

ценность людей, занятых в эскадре; 3) существование договоров; 4) сдача пиратов; 5) вторжение и вывод английских войск; но он оскорблен молчанием, которое хранит о нем; и он думает, что в этой процедуре есть какая-то тайна.

Мистер Лукас также считает, что эти мемуары неточны, поскольку в них не упоминается о его въезде в Макао, о дне, когда он уехал, и, возможно, о дне, когда его нашли в соборе переодетым в женщину. Признаюсь, я не упомянул господина Лукаса, чтобы не позорить текст, посвященный достоинствам лусо-макао, нестандартным поведением такого правителя.

Как я могу восхвалять человека, которого презирают не только за его поведение, но и за трусость? Господин Лукас, будучи слабаком, предотвратил самый славный триумф, который мы могли бы получить в награду за столь долгие труды: он помешал начальнику пиратов сдать свою эскадру в порту Макао. Мне следовало бы рассказать об этих и других действиях мистера Лукаса, если бы я писал историю Макао, но я взял на себя труд донести до потомков только два факта этой истории: уничтожение пиратов, высадку и вывод британских войск. Поскольку мистер Лукас не сделал ничего хорошего, достойного того, чтобы его отметили, я решил оказать мистеру Лукасу услугу, оставив его в неведении.

Поскольку этот опус призван восхвалять действия лусо-макаэнсе, среди них не должно быть бразильца, который стремится делать противоположное тому, что делали другие. Как можно говорить о похвале губернатору, чье правление стало временем мученичества для маканцев не только из-за отсутствия характера у г-на Лукаса, но и из-за великого изнасилования омбудсмана Пейшото?

Неоспоримо, что все чудесное, что там происходило, было заслугой обширного и яркого гения Мигеля де Арриаги. Об этом свидетельствуют протоколы заседаний сената, письма Кам-пау-сая, письма Бернардо Алейшо и гимн, исполненный в присутствии добрых маканцев благосклонным гражданином Хосе Баптистой де Лимой в день, когда они праздновали триумф Мигеля де Арриаги, уничтожив пиратов.

Когда в 1824 году в первой части этих мемуаров я говорил о хорошем маканском правительстве, я упомянул о его форме и о годах, когда на него влияли Мигель де Арриага и Бернардо Алейшо. Теперь я поражаюсь тому, что господин Лукас расхваливает других, хотя сам даже не видел Макао!

На странице 23 своих мемуаров г-н Лукас говорит: "Я знаю, что я ничего не знаю, и я ничто", а на странице 7 он говорит: "Поскольку я был автором всех государственных дел, и особенно этого, этого будет достаточно, чтобы дать представление о спорном предмете и о недостаточной точности мемуаров, напечатанных в 1824 году, о духе, знании и цели, с которыми они были написаны.

Человек, который ничего не представляет собой и ничего не хочет, хочет присвоить себе славу тех, кто был чем-то; он хочет оспорить законные и подлинные документы с помощью фальшивок. Он признает правдивость фактов, напечатанных в этом мемуаре, и упрекает его автора в том, что тот не отдал ему то, что принадлежало другим! Вот в чем заключается

недостаток точности, обнаруженный мистером Лукасом: отсюда его недоверие к духу, знанию и цели, с которыми была написана эта книга.

Он может быть уверен, что дух был патриотическим; знания были почерпнуты частично из протоколов Сената, частично получены в присутствии фактов; а цель ограничивалась желанием донести маканские факты до потомков.

Арриага, Бернардо Алейшо, Перейра Баррето, Алькофорода и многие другие, занятые в этом предприятии, мир уже потерял их, когда я имел честь опубликовать их достоинства и подвиги в прессе; мистер Лукас, будучи никем и ничего не желая, ждал их смерти, прежде чем очернить не только подвиги, но и достоинства этих прославленных людей!

- "Я не могу допустить подобного выражения, - пишет мистер Лукас на странице 11, - потому что оно содержит ошибочные и ложные представления в ущерб чести и славе, которые я черпаю из результата всех блестящих деяний, совершенных только за время моего правления, и чей блеск начался с моим приходом и закончился с моим уходом!

Я видел еще больше хвастовства. Мистер Лукас доходит до того, что меняет форму правления, лишь бы присвоить себе славу, которая ему не принадлежит.

На 42-й странице своих мемуаров он сам признается, что, несмотря на кражу, которую он собирается совершить, он не имеет никакого влияния на правительство: "Сенат, - говорит он, - планировал отправить галеру "Улиссес" в Рио-де-Жанейро, чтобы приветствовать короля; я воспротивился этому; галера пошла вперед". Вот как господин Лукас разрушает свои аргументы.

Почти на каждой странице своих мемуаров он выдвигает контрпродуктивные аргументы: "Пираты, благодаря своему количеству и силе, - говорит он на странице 43, - стали господствовать в тростниках Вампо-о; тогда, в силу обстоятельств, несмотря на приказы начальства, которые затрудняли мне задачу, я послал в сентябре 1809 года приказ их избить". Мистер Лукас в своих импровизациях дискредитирует тех самых людей, которых он хочет восхвалять. Приказы вышестоящего руководства относятся к вице-королю Гоа: почему он приказал не нападать на пиратов? Неужели он был ими подкуплен? Что еще нужно, чтобы узнать, что господин Лукас не участвовал в уничтожении пиратов, хотя он признается, что его заставили послать приказ избить пиратов?

По правде говоря, именно Сенат, душой которого был Арриага, заставил его отдать этот приказ; и таким образом сам господин Лукас доказывает, что блеск того времени принадлежит не ему, поскольку он даже был вынужден Сенатом отдать приказ избить пиратов.

"Это правда, - говорит он на странице 46, - что на следующий день после того, как я получил письмо от командующего эскадрой, в котором говорилось, что капитуляция Кам-пау-сай была подтверждена, Арриага отправился в устье реки Тигре, утверждая, что идет по частным делам, и правда, что когда он отправился туда, он встретил главу пиратов; и правда также, что он вскоре ушел со всей своей эскадрой; и что капитуляция не была совершена, когда в письме командующего (Алькофорода) говорилось, что она была подтверждена!

Что еще можно сказать против господина Лукаса, кроме того, что он сам написал? Ведь кто

сказал, что он все сделал, ничего не зная! Тот, кто говорит, что блеск Макао начался с его прибытия туда и закончился его отступлением, признается, что, имея под своим началом победоносную эскадру, он позволил врагу бежать после того, как тот уже [сдался](#)? Так кого же купил Арриага во время своего плавания к устью реки Тигр - [главу](#) португальской эскадры или [главу](#) пиратов? Купил ли он и тех и других? Все это неправда, но если бы это было правдой, [то доказывало](#) бы, что именно Мигель де Арриага был главенствующим в Макао.

Документы, импровизированные господином Лукасом, и письмо, адресованное вице-королю, - результат его вспыльчивости, когда его переполняла ярость от восхваления самого себя. Английский посланник в Рио де Жанейро использовал их, чтобы дискредитировать Арриагу и Бернардо Алейшо в глазах короля; но король разоблачил интригу, наградил маканцев и наказал вице-короля за то, что тот отправил в Макао господина Лукаса, который с тех пор не получил никакой другой работы.

Приписывая себе чужую славу, этот джентльмен в своих мемуарах демонстрирует горечь, с которой он их писал! Он пытался угнетать жителей Макао и принижать их род. Бразилец больше не должен с пренебрежением говорить о колониях, населенных деградировавшими людьми, ведь как только Педру Алвес Кабрал открыл Бразилию, темницы Португалии опустели. Когда наши величайшие люди смогли построить город в Китайской империи, преступников всего королевства было слишком мало, чтобы укротить ярость [бутекудос и тупинамбас](#) на задворках Бразилии.

Тимор - единственная наша тюрьма за пределами Тапробаны. Только Камозэнс, из уважения к его гению, смог остаться в Макао, служа судьей сирот в этом городе, богатом с точки зрения здоровья его климата, пищи, способа управления и добродетелей его жителей.

Мистер Лукас писал не для того, чтобы дать истории сведения о том, как сделать людей лучше; он писал для того, чтобы поносить жителей Макао, презирая разум и справедливость. Меры, которые, по его словам, были приняты в Макао в 1783 году, невежливы и обескураживают: чего еще можно ожидать от двух богословов в правительстве королевства? (Мартиньо де Мелло [и монах](#)) видения, споры и костры.

В то время Мартиньо де Мелло говорил о неоспоримых правах, которые имеет корона Португалии на Макао! А как же император Китая, которому мы платим королевские взносы? Но если это так, то кто поддерживал эти права почти 300 лет назад? Деградировали? Конечно же, нет. Мартиньо де Мелло был настолько хорошо знаком с историей этой страны, что не знал о существовании указа от 31 августа 1629 года, запрещавшего любому осужденному, нашедшему там убежище, служить в городе [и даже быть избранным](#) в него.

-Сенат Макао, состоящий из укрывшихся там каторжников, говорит Мартиньо де Мелло, или других подобных ему, не знающих государственного устройства, не заботится ни о чем, что касается национального этикета или неоспоримого права суверенитета, которым обладает Португалия в этой важной области!

Говорить так с людьми, живущими в Китае, не только крайне невежливо, но и в высшей степени невежественно по отношению к государственным делам. Спасибо маканским генералам, которые, не обращая внимания на ругательства Сеяноса, всегда способствовали всему, что было почетно и интересно для Португалии. Поведение этого министра показывает, что он был более лишен просвещения и добродетели, чем те, кого он оскорбил.

Ни Мартиньо де Мелло, ни господин Лукас (да Виола) никогда не смогли бы совершить тех подвигов, которые столько раз совершали прославленные жители Макао. Томаш Виейра, уроженец Макао, который был губернатором этого города в 1627 году, увидев, что его осаждают голландцы, вооружился шестью маленькими лодками и отправился на них. Он высадился на большой корабль, который и захватил, причинив врагам ужасную смерть; остальные бежали, оставив решительного Виейру торжествовать.

Маканцы всегда оказывали честь и услугу Португалии, уже тратили большие деньги на наших послов к императору Китая, уже посылали щедрые подарки в столицу португальского королевства, уже проливали свою кровь, чтобы очистить берега Китая от пиратов, уже защищали стены, возведенные их величайшими.

Губернаторы, требовавшие мер, которые прислал Мартиньо де Мелло, были похожи на тех, кто опустошал Макао в 1626, 1709 и 1747 годах, и даже на господина Лукаса, его восхвалявшего в поддержку тирании. Достаточно прочесть следующее письмо графа Сент-Винсента, чтобы оценить людей, требующих таких мер. Его цель - ответить королю [Афонсу VI](#) по поводу восьмой части, которую он приказал выплачивать из всех частных доходов; дань, введенная в 1666 году вице-королем Антонио де Мелло и Кастро.

-Сэр: Индия видна издалека, а слышна очень поздно: поэтому я не удивляюсь ни тому, как издаются многие приказы, ни тому, как плохо [хранятся другие](#) ^[43]. Один великий министр однажды сказал: "Юрисдикция королей Португалии простирается только до Сантарема; оттуда и выше все находится в ведении наместников". В Индии юрисдикция наместников не простирается так далеко; все остальное находится в ведении капитанов крепостей! У язычников нет ферм, Канарины выращивают урожай только для того, чтобы есть; поэтому им не от кого получать эту восьмую часть. С камней не берут меда. Ваше величество должно послать в Индию человека, который мог бы сделать для вас эти невозможные вещи, потому что я умею только оплакивать несчастье, которое вижу. Если это исходит от меня, пусть придет другой; если это исходит от людей, пусть Ваше Величество смилостивится над ними. Гоа 26 января 1668 года.

Если бы все наместники говорили с императорами подобным образом, то в Макао вместо провидения не пришли бы эти обиды; народы были бы счастливы, португальцы уважаемы, а алваренги более сдержанны.

Думаю, я сказал достаточно, чтобы господин Лукас пожалел о том, что хотел присвоить Азии честь, которая ему не принадлежит, и был неблагодарен к народу Макао, который так много страдал. Чтобы господин Лукас лучше понял дух и цель, с которыми были написаны эти мемуары, я посылаю ему верную копию письма, которое я направил в сенат Макао в 1826 году, а также ответ на него.

Письмо в Сенат Макао.

Господа, хотя двенадцать лет отделяют меня от вас из-за огромного расстояния от Европы до Китая, мой дух всегда был с вами. Имея в сердце зародыш всех добродетелей и получив от природы душу, послушную ее впечатлениям, я никогда не мог забыть возвышенных качеств, которыми вы обладаете. Их должен был бы написать другой Андраде, например Жасинто Фрейре, но вы имели несчастье жить в век, когда не хватало писателей, способных оживить подвиги героев.

-Подвиги афинян были, несомненно, велики и великолепны, но, насколько я понимаю, - говорит Салустий, - они были меньше, чем слава. Поскольку там было много великих писателей, подвиги афинян прославляли величайшие в мире. И таким образом ценность, совершивших их, передается как таковая, точно так же, как в их преувеличенных сочинениях фигурировали эти заранее провозглашенные гениальности. В наше время все иначе; чтобы мир узнал о твоих стараниях на пути к славе, я воспользовался своим грубым пером.

Книга, которую я вам предлагаю, невелика по объему, но велика по теме: ее достаточно, чтобы вместить великие деяния, которые вы совершили, истребляя пиратов". Во второй части, которая была напечатана в Лиссабоне, вы достигли еще большей славы. В первой части подчеркиваются победы при Кам-пау-сай, во второй - сенат сияет изгнанием англичан. Но разве это не одно и то же - лояльный сенат Макао и граждане Макао? В те смутные времена все они были воодушевлены одним и тем же духом; все они слышали один и тот же голос: "Умри, мол, или покажи, что мы происходим от Кастросов и Альмейдов".

Простите меня, дамы и господа, если я вызову вашу печаль, напомнив вам о прославленных коллегах, которые на протяжении долгих лет управляли этим городом вместе с вами. Я **считаю, что они** имеют право на мою память и вашу похвалу. Почему ораторы прославляют только сильных мира сего? Почему они не прославляют людей, которые не имеют ни малейших заслуг и добродетелей? Если всегда нужно прославлять великих, почему бы им не вспомнить и тех, кто был полезен? Разве не стоит восхвалять магистрата, который много лет пользовался мечом Астреи с таким благоразумием, что не причинил вреда ни одному гражданину? Магистрата, чье сердце было столь чутким и гуманным, что он не ограничился миром и счастьем для одного города, но намеревался охватить этими дарами большую часть мира? Кто, охваченный святой любовью к своей стране, стремился сделать ее великой и прославить? В конце концов, тот сильный человек, который, подвергаясь нападкам интриг и клеветы неблагодарных, способных ослабить дух Зенона, переносил их со спокойствием духа? Вы знаете, что Мигель де Арриага обладал этими возвышенными качествами.

Кто, господа, может не похвалить прославленного Хосе Хоакима де Барроса, когда в том же зале, когда обсуждался вопрос о том, следует ли англичанам иметь доступ, он воскликнул. -Я голосую за то, чтобы не пускать их; дайте мне самое рискованное место, чтобы защищать его; если фортуна будет ко мне неблагоприятна, я с радостью отдам свою жизнь в честь па
Кто, господа, не похвалит прославленного Жозе Жоакима де Барроса, когда в том же зале, когда обсуждался вопрос о том, должны ли англичане иметь доступ, он воскликнул. -Я голосую за то, чтобы их не пускать; дайте мне самое рискованное место для защиты; если фортуна окажется ко мне неблагоприятна, я с радостью отдам свою жизнь за честь Отечества^[45].

Кто из вас, маканцев, испытывал иные чувства в этом опасном кризисе? Вы все отразили неприятеля необыкновенным и чрезвычайным образом.

С монумента, посвященного вашей памяти, я предложил копию господину Жуану VI, сказав ему, что уверен, что нигде подвиги маканцев не могут быть лучше сохранены, чем в его руках, и что я дарю ему подвиги, совершенные в дни, очень похожие на те счастливые времена, когда лузитанцы поднимались по пути добродетели к храму бессмертия. Впоследствии мне было приятно узнать, что король высоко оценил книгу, в которой были записаны подвиги маканцев, но я буду счастлив, если вы сочтете, что они дошли до потомков в достойном вас виде.

Воистину, господа, нужно быть глупцом, чтобы не восхищаться вашим духом, и варваром, чтобы не ощущать стимул к добродетели от вашего примера". Коимбра, Маттос, Лимас и другие обладали совершенными добродетелями: более тридцати лет они служили во главе этого города так, как ни Фокио, ни Аристид не делали лучше. Воистину, господа, нужно быть глупцом, чтобы не восхищаться вашим духом, и варваром, чтобы не ощущать стимул добродетели на вашем примере. Коимбра, Маттос, Лимас и другие обладали совершенными добродетелями: они более тридцати лет служили обязанностям этого города так, как ни Фокио, ни Аристид не делали лучше в Афинах ^[46].

Маканес, если похвала исходит из корысти, ее следует презирать; если лесть пытается обмануть сильных мира сего, ее следует опасаться; но когда восхищение воздает должное добродетели, его следует уважать.

Уверяю вас, что [в этом опусе](#) я всегда связывал свою душу с вашими поступками; если им не хватает живых мыслей, за неимением гения, в них есть крик истины, единственный, необходимый для того, чтобы обессмертить вас.

Ответ.

Сенат с удовольствием принимает ваш мемориал, поскольку он увековечивает подвиг маканцев в уничтожении пиратов, которые заполонили наш архипелаг. По правде говоря, вы украсили свою и нашу картину цветами и красотой Камоэнса и Андрадеша. Сенат не упустит возможности оказать вам услугу в знак признательности за столь ценный дар.

Канцелярия Сената, 16 ноября 1826 г.

[КОНЕЦ.](#)

Примечания:

^[1]Я жертвую своей жизнью и состоянием ради вашей (говорил Цицерон римскому народу); все, что я требую взамен, - это чтобы вы сохранили память о моих заслугах

Катилинарий IV.

^{[[2]]} М. Томас.

^[3] Diniz Ode XV.

^[4] За предосудительную небрежность наших авторов мы теперь расплачиваемся наказанием, игнорируя наши собственные успехи; и заставляем себя верить и считать их лишь той малой частью, которую хотели сообщить нам наши враги, более обязанные боли, чем правде.

D. F. M. C. 26.

^[5] Этот выдающийся человек был среднего роста, крепкий, широкоплечий, очень волосатый, с желтыми глазами.

^[6] Корабль с 20 пушками и 300 человек.

^[7] *Камоэнс, С. Х. Est 82*

^[8] По этим героическим, хотя и варварским поступкам можно судить о доблести врагов, которых нам пришлось победить.

^[9] Ода XI. Эпод 4

^[10] Ода XV. Динис.

^[11] Судно в 20 тонн.

^[12] Камоэнс, К. Х. Эподы 12 и 13.

^[13] Жасинто Ф. де Андраде.

^[14] Кам-пау-сай изводил южные провинции империи постоянными данями и грабежами ремесленников.

^[15] То, как они заставили Арриагу отчитаться за деньги, которые, как утверждали его враги, он взял из государственной казны во время своего правления, было крайне предосудительно; зная, что в Макао он принес жертвы в честь нации и на благо этого города. Да будет вечная благодарность его памяти. Помимо того, что он ничего не должен государственной казне, (как показала комиссия, назначенная для его отчета) он стал кредитором 11 contos de réis; это было обнаружено в газетах Макао.

^[16]Специализируется на Ф. А. П. Товаре и Фелисе Жозе Коимбре.

^[17]Диуис Ода [34](#)

^[18]Камоэнс, Канто 2, эст. 100.

^[19]Duarte Nunes de Leão, C. dos reis de Portugal.

^[(20)]Л. Ж. де Альваренга, жалуется на таинственное молчание, хранимое о нем в этих мемуарах. В конце я расскажу вам, что это была за тайна.

^[21]В предместье города.

^[22]Camões, Canto 1. Est X.

^[23]Этот абзац был написан 9 мая 1824 года; в этот день король Д. Ж. VI объявил португальцам на борту корабля "Виндзорский замок", что взял это убежище, чтобы спастись от злопыхателей, которые окружали его с 30 апреля.

^[24]Са де Миранда.

^[25]Ссылаясь на изречение Конфуция.

^[26]Император придерживался следующей максимы Конфуция: "Уважай того, кто по природе своей пользуется тобой".

^[27]Promenade autour du monde, в 1817, 1818, 1819, 1820 годах, письмо 68.

^[28]Португальский город на острове Тимор. Это произошло потому, что они покинули Купанг, голландский город в западной части того же острова, где Араго и его спутники были плохо приняты.

^[29]Дуарте Пачеко, после того как он совершил чудеса в Азии, зависть, клевета и интриги привели его из Африки в Лиссабон в кандалах. Албукерке, обессмертив народ, к которому он принадлежал, стал жертвой тех же фурий. Неудивительно, что за свои великие заслуги Альбукерке был вознагражден управлением язвенным островом Тимор, где он и умер в расцвете сил.

^[30]Что было бы с бразильцами сегодня, если бы Педру Алвес Кабрал принял такие приказы?

^[31]Посмотрите, отказались ли эти люди, служившие своей стране, от огромных пенсий, которыми ее пытаются раздуть!

^[32]Протест Бернардо Алейшо показывает дух повестки.

^[33]Эта переписка была полностью изъята из Сената, но здесь она приводится в духе.

^[34]Губернатор был органом Сената.

^[35]Еще в 1802 году англичане хотели злоупотребить нашими отношениями с китайским правительством.

^[36]Замечательны [цивилизованные](#) и урбанистические манеры правительства Макао и грубые манеры Робертса и т. д.

^[37]Приказ из Гоа о вступлении англичан в Макао был получен накануне!

^[38]Обратите внимание, как мандарины говорят о нас. Это то, что я обещал во введении к первой части.

^[39]Удивительно, что я не сказал, что отправлю их в Ботани-бей.

^[40]Бернардо Алейшо апеллировал к времени: этот непреклонный судья людей и вещей уже покарал своих хулителей.

^[(41)] Мсье де Левис.

^[42]Судья по завышенным тарифам, отправленный в Лондон.

^[43]Хороший ответ на меры Мартиньо де Мелло.

^[44]Версия господина Ж. В. Б. Фейо.

^[45]Семидесятилетний мужчина.

^[46]Катон, цензор, не обладал такой суммой совершенных добродетелей, как благосклонный гражданин Фелис Жозе Коимбра.

Список исправленных ошибок

Здесь представлен список всех ошибок, которые были найдены и исправлены:

	Оригинал		Исправление
#страница. 8	Чанг-ти	...	Чам-хи ^(*)
#page. 12	Тай-тэ-сан	...	Песня Тай-тэ ^(*)
#page. 12	qualqner	...	любой

#страница. 13	природа	...	природа
#страница. 14	Абукерке	...	Альбукерке
#страница. 17	до дела	...	они сделали его ^(*)
#pág. 18	граждане	...	граждане
#страница. 19	periescios	...	periescos
#страница. 25	1585	...	1805 ^(*)
#page. 26	Город	...	Город
#страница. 29	подкупить	...	подкуп ^(*)
#page. 29	<i>Барето</i>	...	<i>Barreto</i>
#pág. 31	аргино	...	argivo ^(*)
#pág. 35	С параосом	...	Сто метров ^(*)
#pág. 36	illultres	...	прославленные
#pág. 37	aubiram	...	поднимется ^(*)
#страница. 37	было	...	было ^(*)
#page. 42	Wam-рао	...	Wam-роо ^(*)
#page. 44	быть	...	быть ^(*)
#page. 44	больше	...	очень ^(*)
#page. 45	сформировано	...	сформируется ^(*)
#страница. 46	8º	...	3º ^(*)
#page. 51	слияние	...	выпот ^(*)
#страница. 56	рассеянный	...	разбитый
#страница. 56	свечи	...	свечи
#страница. 58	Офицеры	...	Офицеры
#pág. 64	честь	...	честь
#страница. 65	купцы	...	замечательный ^(*)
#страница. 65	чам-пин	...	для Чампина ^(*)
#page. 67	некоторые из ваших	...	некоторые из ваших
#page. 74	summameute	...	summamente
#page. 75	Sam-raui-sai	...	Sam-raui-sai
#pág. 79	честь	...	за честь
#страница. 83	<i>поттте</i>	...	<i>имя</i>
#pág. 87	Добродетели	...	добродетели, которыми он обладал ^(*)
#page. 87	сделал	...	бы ^(*)
#pág. 88	habitautes	...	жители
#pág. 88	брать воду	...	взять агуа ^(*)
#pág. 88	Gragas	...	Спасибо
#pág. 91	у которых	...	те, которые у вас есть

(*)

#page. 91	распознавание	...	признание
#страница. 96	люди	...	имущество (*)
#page. 96	Септемеро	...	сентябрь
#страница. 98	ваши войска	...	ваши войска
#страница. 101	как	...	как
#страница. 103	лечить	...	лечится (*)
#страница. 105	президент	...	министр (*)
#page. 105	дома	...	дома (*)
#страница. 106	по-макански	...	на маканской груди (*)
#pág. 106	убеждая их	...	и убедить их (*)
#страница. 106	миссией	...	разрешение (*)
#страница. 106	и подтверждено	...	гарантировано (*)
#page. 106	Франсико	...	Франциско
#pág. 107	перерыв	...	перерыв (*)
#pág. 109	войти	...	enter
#страница. 110	когда	...	сколько
#страница. 110	tortaleza	...	крепость
#страница. 112	амим	...	я
#page. 112	Все еще	...	Все еще
#страница. 114	ответил	...	ответил
#страница. 114	выиграл	...	предоставлено
#страница. 114	достоинства	...	virdes (*)
#pág. 117	мошенничество	...	мошенничество
ужасно	...	ужасный	
консумация	...	его консумации (*)	
#page. 119	это было осложнение	...	это было осложнение (*)
#pág. 122	с ним	...	с ним
#page. 123		...	1-й абзац
			заканчивается
			полной остановкой (*)
#страница. 130	слушаться	...	повиноваться (*)
#page. 133	Winistro	...	Министр
#страница. 133	иннлези	...	инглезы
#страница. 143	несчастный	...	несчастный
#pág. 143	в Lx. ^a напечатано	...	напечатано в Лиссабоне (*)
#страница. 144	президент	...	министр (*)
#page. 147	что этот дух	...	что дух (*)

#page. 147	приобрел	...	приобрел ^(*)
#page. 148	форма	...	форма
#страница. 149	что он	...	что мистер Лукас ^(*)
#page. 149	сотрудничать	...	сотрудничать ^(*)
#pág. 149	чем его собственное признание, что это было	...	он сам признается, что это было ^(*)
#page. 151	найдено	...	доставлено ^(*)
#page. 151	начальник	...	шефу ^(*)
#page. 151	доказательство	...	докажет ^(*)
#page. 152	бутукудос тупинамбас	...	бутекудос и тупинамбас ^(*)
#страница. 152	и архиепископ	...	и монах ^(*)
#pág. 153	и даже избранный	...	и даже избранные ^(*)
#pág. 155	Афонсу В.	...	Афонсу VI. ^(*)
#pág. 155	что другие хранят	...	с помощью которой другие охраняют себя ^(*)
#pág. 158	Я осуждаю тебя	...	Я осуждаю тебя ^(*)
#page. 161	в этом апуценти	...	в этом опускулуме ^(*)
#note 15	как	...	как
#note 17	24	...	34 ^(*)
#note 36	гражданский	...	гражданский

^(*)Исправления сделаны на основе ошибочного в оригинальном произведении.

Варианты слов "La Perouse", "Le Perou-se", "La Perou-se"... были сохранены.

На [странице 85](#) отсутствует пункт 3/пункт 3.

Пунктуация была соответствующим образом исправлена.
Например, в конце предложений вместо запятых поставлены точки.